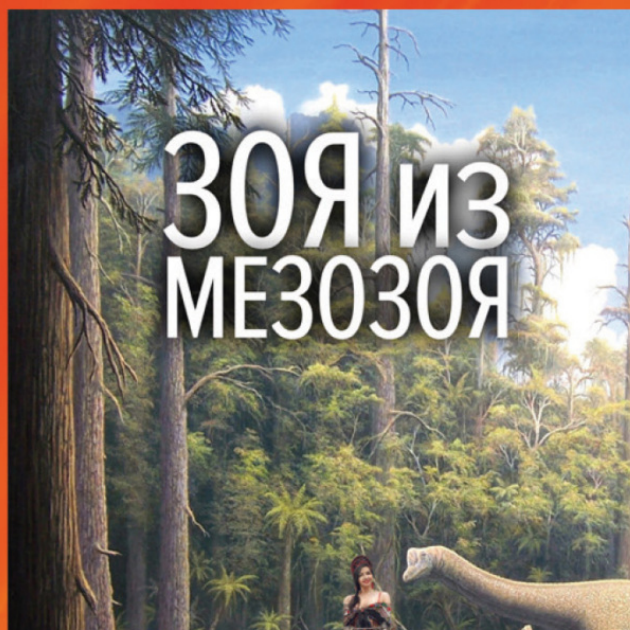

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

ЮМОР, НО - СМЕШНО!

МОСКВА 2021

Владимир Холодок

Юмор, но – смешно!

«Издательство «Перо»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Холодок В.

Юмор, но – смешно! / В. Холодок — «Издательство «Перо»,
2021

ISBN 978-5-00171-906-9

В книге исследуются следующие проблемы: 1. Блондинка и болонка: один ум – хорошо, а два – лучше! 2. Новый вид спорта: секс в Зарядье. 3. Может ли водитель рассмотреть дорожный знак, если под знаком стоит девушка в мини-юбке? 4. Чем «Рог изобилия» отличается от «Валенка изобилия»? Ведь из обоих можно пить. 5. Дурак или искусственный интеллект? Кто из них умнее? 6. Почему лошадь боится щекотки за пятки? 7. Слово-то какое загадочное – партнёрша. Не портниха, не полотёрша, а партнёрша! 8. Как это, нет металлолома? Если есть Зюганов, значит есть пионеры. Если есть пионеры, значит есть металлолом. 9. Миллионер – это количество денег или состояние души? 10. Кто принимает наши личные решения; 11. О самом интимном месте мужчины – спрятанной бутылке; Одним словом, эта книга – для поднятия тонуса и настроения! В ней собраны рассказы разных лет, но только лучшие, те, которые исполнялись со сцены известными артистами или печатались на страницах и сайтах известных изданий. Читайте и радуйтесь!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00171-906-9

© Холодок В., 2021
© «Издательство «Перо», 2021

Содержание

Мяу!	6
Красавица ЖБИ-88	9
Полено заколдованное	12
Точь-в-точь – моя дочь!	15
Самый честный гриб	17
Партнерша	20
Так доживем!	22
Титаник	25
Клава – мой президент!	28
Снежная человека	31
Вздремнул	34
В москву! В столицу!	37
Босиком	39
Узники зимней сказки	41
Автогонщица	43
Королева «русской рулетки»	45
Маскарад в лесу	47
К любовнице	49
Красный уголок капитализма	51
Пусть конфискуют!	55
Молодой зверобой	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Холодок Юмор, но – смешно!

© Холодок В., 2021

Мяу!

Какая кошка не мечтает выйти замуж. Мурка мечтала об этом с детства. Замуж не вышла, но котят родила. Пять штук. Эта ночь, конечно, была хлопотной. Рожать – не делать. Утром усталая Мурка вышла из подъезда на улицу. Народу во дворе было много. Из-под кустов и из подвалов разбредались по домам уставшие коты и кошки. Пожилая Матильда покачала головой:

– Вот молодёжь! Что хотят, то и делают. А хотят многого. Потом спросила у Мурки:

– А у тебя как дела?

– Родила, – ответила Мурка.

– Бывает, – сказала Матильда и поймала пролетающую стрекозу. Попробовала на зуб и сплюнула.

– И как они её едят? Вот в наше время была стрекозятинка.

Потом спросила:

– А мужик-то есть у тебя?

– Да есть один, – ответила Мурка, – найти бы только.

Из подвала вышел кот Рыжик, весь в золе и паутине. Ночь и для него была нелёгкой. Чердак, подвал, конкуренция. Увидев Мурку, он хотел юркнуть обратно в подвал, но Мурка пригвоздила его фразой:

– Мяу!

Увидев, что Мурка постройнела за ночь, Рыжик совсем взгрустнул. “Сейчас начнётся”, подумал он.

– Куда же ты! – сказала Мурка. – А говорил, любишь.

– Мда-а, – сладко потянулся Рыжик, – интересная штука жизнь: молодость, любовь, материнство.

– И отцовство, – подсказала Мурка.

– Чьё отцовство? – прикинулся Рыжик.

– Твоё.

– А-а, вон ты в каком смысле. Ну, этот как сказать. Пойдём глянем на потомство.

Дверь открыла хозяйка Мурки. Она хотела запустить в Рыжика тапком, но сжалась. И запустила сапогом.

“Ох, и злющая будет тёща”, – подумал Рыжик.

Почёсывая больное место, Рыжик внимательно оглядел своих детей.

– А чего они все разные? – возмутился он. – Только один всего и рыжий.

– Генетика, – настороженно улыбнулась Мурка, – в бабушек, в дедушек...

– Ты про генетику тёще расскажи, а мне не надо. Вот одного признаю, мой. Не откажусь. На пару мышей в месяц можешь рассчитывать. – И Рыжик ушёл по-английски – в форточку.

“Как жить?” – подумала Мурка и стала перебирать в памяти вероятных отцов своих детей.

Тогда, в марте, пришлось крутиться, как белке в колесе. “Всех и не упомнишь”, – вздохнула она.

Был Пушок. Но, говорят, подался на Север. Был Мурзик. Но он чуть не погиб под детским велосипедом. Какие алименты с пенсии? Был Пупсик. Сидит за драку на чердаке. Кто же ещё? Да нет, не может быть, чтоб больше никого. А, да, был Эдуард. Шикарный кот в жилетке. Но у него хозяин – зверь. Утопит вместе с котятками.

Кто же ещё? А, совсем забыла. Был же ещё Серёга. Сергей. Все его звали Серый. Это был всем котам парень!

Они познакомились на роскошной помойке возле одного руководящего учреждения. Не помойка, а вкуснятина. Серый никого не подпускал. А Мурку пригласил. Он угощал её копчёной колбасой, икрой и такой невиданной рыбой, что Мурка полюбила его раз и навсегда. Мурка смотрела на небоскрёб учреждения и думала: “Если они это выбрасывают, то что же они едят?” Мимо сновали большие чёрные лимузины, и Серый сказал:

– Счастье – это умереть под их колёсами.

Мурке не хотелось такого счастья. И она предложила:

– Давай куда-нибудь сходим.

И они пошли в подвал. Там выступал клуб самодеятельной кошачьей песни. Как они пели! На восемнадцать голосов. Потом выступали рокеры. А запевал один гладкошёрстный кот на чистом сиамском языке. Публика была экстравагантна. Но Серый выглядел лучше всех. Его шкура имела серый цвет с белыми пятнами. Ещё в молодости какая-то бабка плеснула в него ведро негашёной извести. После этого он стал законодателем мод в городе.

Потом Серый вошёл в инцидент с огромным сибирским котом. Тот слишком внимательно понюхал Мурку. И Серый сказал коротко:

– Пойдём выйдем.

Серый так отделал сибирского, что тот стал кричать:

– Зачем же так сильно?

На что Серый отвечал:

– Сердцу не прикажешь.

Когда сибирский кот убежал, Серый с пылу и с жару потребовал:

– Дайте мне уссурийского тигра! Я разорву его в клочья.

И Мурка поверила. В таком состоянии разорвёт.

Потом на личном чердаке Серого Мурка пробовала валерьянку и авиационный бензин. И так тащилась, так тащилась, что больше ничего не запомнила. Правда, один штришок ей припомнился. Серый после валерьянки сказал ей, что его приглашает в свою труппу сам клоун Куклачёв. Мурка встрепенулась. Ведь это – гастроли, чеки, иены и множество фунтов стерлингов. Вот кого надо обложить алиментами! Серый, только Серый достоин называться отцом её детей.

...Мурка второпях покормила детей грудью и бросилась за письменный стол. В Москве, в подвале прокуратуры, жила её родная тётка. И Мурка написала ей гневное письмо матери-одиночки. Она просила тётку найти Серого у Куклачёва и пригрозить коту прокуратурой. А если Серый откажется от детей, пусть на них шлёт алименты сам Куклачёв.

Кот Серый оказался порядочным человеком. От него вскоре пришла телеграмма: “Вышел из Москвы пешком рейсом первым. Жди по месту жительства. Твой Серый”.

Мурка засуетилась по хозяйству. Да и как не засуетишься, когда только двое из пяти детей смахивали на Серого. А Рыжий, Чёрный и Белый не смахивали. Мурка быстро рассортировала потомство. Компрометирующих её честь она спрятала в ванной.

Рейс первый, которым шёл пешком Серый, прибыл без задержек. Серый с порога бросился к корзине с двумя серыми котятами, обнюхал их и смахнул лапкой слезу счастья. Хозяйка Мурки замахнулась сапогом на Серого, но, увидев, в каком он душевном состоянии, надела сапог на ногу и ушла на улицу. Дети Серому в целом понравились. Два серых сына. Правда, на следующий день из ванной вылезли Рыжий, Белый и Чёрный – три сестры. Скрипя зубами, Серый тут же не только усыновил их, но даже удочерил.

Началась счастливая семейная жизнь.

Но как только пришёл месяц март, Мурка стала раздражительной и рассеянной.

Поздно вечером, когда Серый спал в окружении пятерых детей, Мурка наспех привела себя в порядок методом вылизывания. Потом она подошла к своей счастливой семье, глубоко вздохнула и прошептала:

– Ну какого чёрта мне ещё надо!

И тихонько исчезла в форточку.

Красавица ЖБИ-88

Да чего же это, бабы, в стране делается? Мужик-то мой из конкурсов красоты не вылезит. Всех первых красавиц спознал. По именам знает. И даже в лицо!

Вчера опять явился с конкурса, но расстроенный. Говорит:

– Вот смотрю я, Даша, на этих первых красавиц и в толк не возьму: что эти члены жюри под красотой понимают? Сегодня опять такую худющую красавицу выбрали – хоть плачь. А ты у меня такая масштабная женщина, а зазря пропадаешь. выступи на конкурсе. Выстави свою кандидатуру.

Я говорю, как это? Напоказ, что ли?

Он говорит, напоказ. Я, говорит, уж как-нибудь переживу, перетопчусь, а только от людей такую красотищу скрывать – это не по-хозяйски.

Я сначала-то забоялась. Боязно выставить напоказ... всю свою кандидатуру. А потом думаю: а что? Да неужто в городе есть кто красивше да здоровше меня? И согласилась.

Смены рабочие свои высчитала. У нас на ЖБИ трехсменка. ЖБИ – это завод железобетонных изделий. Я прикинула по сменам – удачно. В день конкурса я как раз из ночной выйду. Думаю, вот и хорошо, отосплюсь после ночной, а днем – на конкурс. Красота.

Два дня я себе платье шила. И три дня – купальник. Купальник получился – вообще! Пока шила да примеряла, Вася мой ко мне четыре раза приставал. Но брал себя в руки и говорил:

– Будем беречь силы на конкурс.

Я ему намекала, мол, у меня на всё сил хватит. Но он говорил:

– Я не за тебя переживаю, а за себя боюсь.

Оттарабанила я ночную перед конкурсом, две нормы выдала и домой собралась. А мастер Петрович в бытовку забегает и кричит:

– Даша, спасай! План горит, бетон стынет. Степанида заболела, а там арматуры – на 10 тонн.

Я говорю:

– Ты что, Петрович? У меня конкурс красоты после обеда.

Он долго на меня смотрел и говорит:

– Даша, человек красив трудом. А если ты ещё каким местом хочешь быть красивой, то иди красуйся. Только премии всему цеху не видать.

Пришлось остаться. Дала я за Степаниду ещё две нормы до обеда и дунула на конкурс. Ну, ясное дело, переодеться некогда, так в спецовке туда и прибежала.

А дело на летней эстраде происходило. Там уже красавицы стоят, правда, пока еще в платьях. Народу – тьма. Пробилась я к эстраде, заскочила на неё и говорю членам жюри:

– Граждане судьи! Извините за опоздание, у нас в цеху Степанида заболела, я за нее нормы отработывала, вот переодеться и не успела. Но платье у меня есть. Я его отдельно от себя могу продемонстрировать.

Достала я им платье, показала.

Они, посоветовавшись, допустили меня к конкурсу. Видать, платье понравилось.

Поглядела я на красоток, у них платья шикарные. А я думаю, в платьях-то из Парижа меня каждый полюбит. А вы меня в спецовке оцените!

Тут музыка заиграла, пошел первый тур – танцевальный конкурс. Выделили всем по партнеру. Ну, мне тоже один достался. Думаю, как же мне его обхватить, чтоб не травмировать. Только я к нему приспособилась, он как заорет. Оказывается, я ему на ногу сапогом наступила. Ну, дали партнера. Да мне шагающий экскаватор раз на ногу наступил – и ничего, дальше пошел, захромал только. А этот орет, на одной ноге скачет.

Я рассердилась, говорю членам жюри:

– Вы кого красавицам в партнеры подсовываете? Да его поставь у нас на арматуру – он на первой минуте загнется. Партнер...

Хорошо, что в первом ряду наш бульдозерист сидел, Петро. Как пошли мы с Петром вприсядку на сцене, так публика и заплодировала. Мы под свою музыку плясали, под тра-ля-ля.

Петька частушки пел:

– Тына, тына, у Мартына голова из ежика.

А у меня такая легкость в теле. Двух красавиц с эстрады случайно смахнула, не заметила. Легкость у меня всегда возникает, если три смены подряд работаю.

Во втором туре надо было походку показать. Пройтись по сцене с партнером. Конкурентки мои прошлись – у-тю-тю-тю. Походка – от бедра. Не скажу, походка есть. Правда, бедра нету.

А мой партнер не подходит ко мне, боится. Там «скорая» приехала, на ногу гипс ему наложили. Тогда я одна пошла по сцене. И тоже – от бедра. Слышу, в жюри один шепчет:

– Походки нет.

А второй говорит:

– Зато бедро есть!

В третьем туре мужичок из жюри встал и объявил:

– А теперь, уважаемые красавицы, продемонстрируйте нам, пожалуйста, простую комбинацию в стиле аэробика. Комбинацию демонстрируйте в купальниках.

Зашла я в свою кабину для переодевания и думаю, где же мне... простую комбинацию взять? Ведь у меня только шёлковая. Их, простых-то, хлопчатобумажных, и в магазине нет. Потом думаю, да зачем это я буду простую комбинацию демонстрировать, когда у меня шёлковая с такими красивыми кружевами.

И вышла в шёлковой. А под комбинацией – купальник. Публика такую овацию устроила. Чувствую, красивше меня никого не будет. Конкурентки мои вообще без комбинаций вышли, в одних купальниках. Я тоже свою сняла, да как торсом повела, как плечиком подвигала, так – все! Чувствую, они мне больше не конкурентки.

Вышли мы в финале на сцену для оглашения меня первой красавицей. Председатель жюри встал и объявил:

– Первой красавицей объявляется Марина Сулопарова.

Я ему подсказываю:

– Да не Марина я Сулопарова, а Даша я Рукосуева.

Он как не слышит. Я думаю, да что это они? Шутки со мной шутить. Взяла я этого председателя за грудки. А ну, говорю, объявляй как следует.

Он потрепыхался и объявил меня первой красавицей.

Вася мой выбежал на сцену, обнял меня и сказал:

– Я знал, что ты у меня красивше всех, но что настолько – не знал.

И нёс он меня на руках три остановки до самого дома. С перекурами. И привалами.

Полено заколдованное

Да кто мог знать, что оно заколдованное? Обычное полено, правда, крученное от комля, но без сучков. Поставил я его перед собой на «попа», пригляделся к нему и чувствую, идет от него какая-то аура непонятная. Ну, размахнулся я топором мощно, и тут поясницу заклинило. Прострелило по позвоночнику снизу вверх и молнией из глаз вылетело. А я с топором над головой стою, как окаменел. Ни рукой, ни ногой.

Потом ноги вроде отпустило, и я в дом пошел на цыпочках с топором над головой. Захожу. Зинаида меня увидела и как закричит:

– Федор, не надо! Не виноватая я! Это Валентина меня подставила, скотина такая.

Я ей говорю шепотом:

– Зина, возьми у меня топор из рук.

Она замолчала настороженно:

– Возьми топор, – шепчу я, – не могу руки опустить.

Топор она взяла и засуетилась:

– Может, тебе рюмочку выпить от боли?

– Как я ее выпью? Стою, как фриц под Сталинградом. Что я, подпрыгивать буду? Или струйку сверху лить?

Попоила она меня из стакана – боль прошла, но руки не опустились. Даже после бутылки. На каждую руку.

Утром проснулся я распластанный на диване с кирпичом на спине. Зинаида мне спину грела, да видать переборщила спьяну, всю шкуру сожгла. Я поворчал на нее:

– Ну ты, рэкетирша, палачиха, за что пытала раскаленным кирпичом?

– Ты сам говорил, что хорошо тебе.

Встал я с поднятыми руками, ну беда – ни умыться, ни опохмелиться. И тут до меня дошло, что я во двор хочу. Я аж побледнел от этой мысли – а как?

Вот тут надо сказать, у нас в соседях живет брат Зинаиды Иван. Парень он с юмором. Но больше – с похмелья. Вот и теперь он, как нельзя кстати, влетел в дом с двустволкой и заорал:

– Руки вверх! Это у него коронная шутка.

Но когда увидел, что я уже стою с поднятыми руками и весь бледный, он опешил, и палец на спусковом крючке у него дрогнул. Выстрел был такой неожиданный и оглушительный, что внутри у меня что-то екнуло и руки резко опустились вниз. Ну, как футболисты во время штрафного в стенке, чтоб закрыться от мяча. Понял я, что в туалет уже бежать можно, и дернул на улицу. Возвращаюсь немного радостный, все-таки одну проблему решил. Но возникла другая – руки в нижнем положении зафиксировались.

Иван пришел в себя после выстрела и говорит:

– Зина, чего это он у тебя такой стеснительный стал, прикрывается, как Афродита. Пнуть, ей-богу, хочется.

Зинаида выпроваживать стала брата:

– Иди, Иван, отсюда, все равно не дам опохмелиться. А Федор болеет. У него прострел в спине.

– Чо ж он тогда не за спину держится?

– Иди, иди, – вытолкала брата Зинаида.

Упал я на кровать в состоянии футболиста-защитника и думаю:

– Что ж эго за полено такое?

А тут и к ночи дело. Зинаида легла рядом, поегозилась и говорит:

– Федь, а если я чего хочу?

– Ну ты же видишь, заклинило.

– А может, между пальцев пропустим?

– Если б у меня пальцев, как у страуса было, три. Или два.

Утром пошел я во двор, подошел к полену – стоит, как вчера, никуда не сбегало. Сел на него, посидел. Слышу, такое тепло из него в меня пошло, и руки сами по себе разжались и задвигались.

Ах ты, думаю, в чем это она не виновата? Вхожу в дом и сразу спрашиваю:

– В чем это ты не виновата?

– Да, понимаешь, мужик у Валентины выписал журнал эротический. Тайком от нее. И я ходила к Вале его смотреть. Тайком от него.

– Ну?

– Ну и все.

– Ну и что тут такого?

– Да ведь там я такого насмотрелась, думала, ты меня убьешь из ревности.

– Ну что там, лучше, что ли, чем я?

– Не, ты еще лучше.

– Ну и все. Чего еще.

Подошел я к полену и думаю: или со мной что-то не так, или с поленом. Замахнулся я на него колуном, оно – раз – и набок. Вот ты неразбериха какая. Даже самому интересно стало. Поднял его, отступил назад, установил попрочнее, опять замахнулся, опять сорвалось. Я еще назад отступил. Ну, сейчас, думаю, кончу его. А пока назад отступал, вошел в зону действия бельевой веревки. Там Зина трусы свои сушит. А они тяже-е-елые, и веревка провисла. И когда я размахнулся, веревку колуном и зацепил...

Очнулся я в больнице. Слышу, врачи меж собой разговаривают:

– Жить будет, но плохо.

Я встрепнулся весь:

– Как это плохо? Почему это плохо?

– Вы, молодой человек, когда выпишитесь, тогда узнаете.

Ну, узнал я потом. Не так уж страшно. Просто голова сдвинулась у меня влево сантиметров на тридцать. Зинаида взглянула, успокоила:

– Нормально, пройдет. Я в эротическом журнале и не такое видела.

Сели мы с ней за стол праздновать выписку. Взял я стопку, хлоп – и мимо правого уха вылил назад. Вот тут до меня и дошло, почему жить буду, но плохо. Зинаида в слезы:

– Что же это ты теперь так и будешь жить трезвый?

Я – срочно во двор, сел на полено, прошу его:

– Поленушко, золотое, исправь меня обратно. Клянусь, не трону больше тебя.

И чудо! Опять по всему телу тепло разлилось, и шея моя выпрямилась.

Теперь полено у нас дома живет. И если простуда какая или озноб, мы с Зинаидой на него садимся и – всё! Как рукой снимает.

Точь-в-точь – моя дочь!

Увидел случайно фото девушки – точь-в-точь моя дочь! Другой бы дальше в компьютере листал ленту, а я не могу. У меня любимая передача по ТВ – ДНК. Мне везде родственники мерещатся. Только на ЭТОЙ передаче по-настоящему вершатся судьбы людей. Заходит туда какой-нибудь человечек, сам никто и звать никак, а выходит с передачи сыном великого актёра всех времён и народов Спартака Мишулина. Конечно, каждый так хочет. Заходишь рядовым человеком, а выходишь хотя бы сыном Дерипаски. И всё! Делать уже ничего не надо, на работу ходить не надо, сразу можешь браться за мемуары и сочинять эпизоды из своей и папиной удивительной жизни.

А у меня другой перекосяк: не отцов своих разыскиваю, а детей своих ищу. Где они там? Как они там без меня? На матерей-то всё равно – никакой надежды. Самое тяжёлое чувство – а есть ли они вообще? А если есть, то сколько?

Поэтому за каждую подозрительную фотографию я прямо руками-ногами ухватываюсь и начинаю вести поисково-спасательные работы.

Вот и с этой фотографией я поступил, как всегда – послал по вацапу дочери со словами: «Кристина, взгляни, ну, вылитая ты. Не моих ли рук это дело? А может, это ты где-то сфоткалась?»

Приходит ответ: «Это точно не я, у меня ни корзинки, ни платья такого нет.»

Ага, значит надо искать! Пока обдумывал план действий, Кристина, видимо, собрала всех сестёр и братьев, и все нагрянули ко мне. Все пришли, и те, что подтверждены первоначальными документами, и те, которые подтверждены через ДНК. Обступили со всех сторон и давай меня уговаривать:

– Папа, угомонись! Хватит нас искать! Нас уже и так вон сколько!

Я понять не могу, или у них зов крови слабей, чем у меня, или другие чувства преобладают? Но я всегда всех детей успокаиваю, и они расходятся. Потому что понимают, что я всё равно, всех до единого найду, никто не укроется.

Про последнюю фотку уже выяснил, что живёт моя предполагаемая дочь в Питере или Стокгольме, а также в Нью-Йорке или Пекине. Это резко сужает круг подозреваемых и упрощает дело. Держитесь, дети мои неопознанные! Я приду к каждому!

Самый честный гриб

Иду я как-то по лесу с сачком ловить... эти... грибы. Почему с сачком? Ну, а как его голыми руками поймашь? Они же прыгают. И вот иду и вижу на поляне – огромный белый гриб. Ростом мне по самые по... ягодички. Я к нему подкрался... сзади. К нему можно только сзади. Потому что, если спереди, он же увидит. Сачок над ним занёс... а он как – прыгнет. Обычно было – от меня. А этот – на меня. Прямо на грудь. С ног меня сбил и давит. Я даже удивился. Белые грибы, они же не хищники, они на человека не нападают. Да они вообще не кусачие. Мухоморы – да! Это хищники, эти могут. А тут – белый.

Я ему говорю:

– Ты чего такой активный?

Он говорит:

– Я – радиоактивный.

– Ну, так бы и сказал, что больной. Да ещё без шляпы.

Он – хлоп рукой по голове, нет шляпы. Я – хлоп по своей – нет шляпы. И тут – ветер. Типа торнадо. Поднял наши шляпы и понёс. Мы – за ними. И через пару километров упали они во двор особняка. Мы сразу – к часовому. А он автоматом лязгнул:

– Стой! Стрелять буду. Частная собственность. Охраняется государством.

Мы отошли. А шляпу жалко. Клавин подарок. А грибу и того хуже. Над ним без шляпы хохотать будут все самки.

Я ему говорю:

– Вот влипли. Тебя хоть как зовут-то?

– Глеб.

– Ну вот, и меня тоже, Федя.

Дачу изучили – бастион. Крепость. Говорят, тюрем не хватает. А это чем не тюрьма? Колючая проволока. Железобетонный забор. В окнах решётки. И главное, хозяин в ней уже сидит. Ловить не надо.

Я говорю Глебу:

– Слушай, гриб.

– Не гриб, а Глеб.

– Ладно, гриб, понял – Глеб. Ты здесь постой, в землю вкопайся и работай под гриб, Глеб, блин, но без шляпки. Понял?

А я сам обошёл вокруг дома и по доске на забор залез. Вижу, лежат наши шляпы на лужайке. Решил пальчиком колючку на проволоке потрогать. Потрогал. В глазах – молния! Очнулся на земле. Проволока под током. Указательный пальчик стал у меня короче мизинчика. И подгорел прилично. До локтя.

Ладно, думаю, полез на берёзу. А она в наклон над забором. Повыше залез, вижу – гнездо на берёзе. Из гнезда голова выглядывает, человеческая.

Я говорю:

– Ты кто?

– Я снайпер. Тебя поближе подпускаю, чтоб не промазать.

И дуло карабина ткнул мне в нос. И главное, целится тщательно. Через оптический прицел размером с трёхлитровую банку. Из банки его глаз мне в глаз смотрит. Я говорю:

– Всё равно промажешь. Целишься мне в глаз, а попадёшь в нос. Пусти лучше шляпы забрать.

Чудом его уговорил. С дерева я спрыгнул и по-пластунски ползу к шляпам. И вдруг вижу, навстречу мне тоже ползёт вот такая собачья морда. Сенбернар. Подползли. Думаю, подкормлю собачку. От шляпы гриба отломил кусочек, бросил ему. Он съел. Смотрит. Я – ещё. Короче, всю шляпу моего Глеба съел. Килограммов пять. А мою не отдаёт, зубами вцепился. А потом рванул и в дом убежал. Я – за ним. Бегали мы по каким-то залам, бассейнам, винным погребам, спортзалам. А поймали меня на веранде. Или ротонде. Или солярии. Короче, хозяин так и сказал:

– О, дорогой гость! Без приглашения пришёл, а живой остался. Надо отметить.

И за стол меня пригласил. Я ему – про шляпу, а он говорит:

– Вы не волнуйтесь, она вам больше не понадобится. Лучше выпьем за ваше счастье.

Только я бокал с вином поднял, рядом в леске взрыв раздался.

Хозяин говорит:

– Люди у нас чудные, особенно грибники. В лесу ясно написано: “Мины”, а они идут.

Я подумал, пора сматываться. Хозяина поблагодарил, шляпу забрал, к выходу дёрнулся, а навстречу – автоматчик. С пистолетом. Вывел он меня из ворот, я говорю, куда мы идём? Он:

– Как обычно, на расстрел.

И тут из-за дерева выскакивает мой гриб Глеб и прыгает на автоматчика, как собака. Тот, как увидел, что прыгнул гриб, да ещё без шляпы, да ещё такой разъярённый, закричал, сдаюсь!

Пришли мы с Глебом на поляну, где он рос, воспитывался, мужал. Я говорю:

– Прости, Глеб, что был груб, но я тебе – гриб по гроб.

Он говорит:

– А где шляпа?

- Съели шляпу. Да новая у тебя отрастёт. А пока возьми мою, поноси.
- Надел я на него свою шляпу. Смотрю, красавец. Вылитый я. Говорю ему:
- Слушай, если ты так на людей кидаешься, пойдём ко мне на дачу сторожем.
- А что Грэта скажет?
- Кто такая?
- Жена. Вон она, в кустах стоит.

Выходит Грэта. С бадажком. Ростом – мне до колена. Палочкой на меня замахнулась. Я отскочил, как гриб. Она ругается:

– Опять с бомжами связался (это про меня)! Шатаешься по лесу! И шляпу потерял. А ну дыхни.

Он ей говорит:

- Да ладно, Грэта, я работу нашёл.
- А как же Гриша и Груша? Они же ещё не ходят.

Короче, забрал я их детей в лукошко и всех перевёл на дачу. А нас бомжи одолели. Лазят по дачам, как крысы. А сейчас – красота. Ну, стоят два гриба у ворот. Бомж заходит. Глеб шляпу перед ним снимает, кланяется. Пока бомж с открытым ртом стоит, Грэта ему палочкой по ногам – чик! Бомж падает. А тут Глеб подскакивает и – раз! – ему по шее. И бомж бежит раз и навсегда.

А когда я приезжаю, они на полянке валяются, загорают. Катаются по траве. Дети у них уже первое слово сказали: "Граб". Это дерево такое. Они под ним родились. Они думают, что граб. И говорят: "граб, граб". На самом деле – осина.

А Глеб и подружек своих переманил на дачу. Белых подружек со всего леса. Но они не говорят. Стоят и молчат. Их можно употреблять в пищу.

Вот так и живём.

Получается, что хорошего человека сейчас можно встретить только среди грибов, да и то радиоактивных.

Партнёрша

Слово-то какое загадочное – партнёрша. Не портниха, не полотёрша, а партнёрша. Кто она? Любовница? Или так, на сцене стоит, любовь изображает. Вот пусть думают, гадают.

Моя не изображала, она делала.

Вот идёт по улице репетиция парада. Генерал кричит: «Равнение – нале-во!» А весь полк смотрит направо. Там на балконе моя партнёрша зарядку делает нагишом.

Генерал снова: «Полк! Слушай мою команду!» А партнёрша моя ножку закидывает на перильца балкона и делает шпагат. Шире, чем сама Волочкова! Генерал тихо шепчет в свой мегафон: «Отходим организованно. К следующему дому. Без паники! Мелкими перебежками.» Хорошо, хоть не закричал, спасайся, кто может!

Каждый день – от неё сюрприз. Уроки изысканного секса! А сегодня, говорит, у нас шопинг, в универмаг. Я думаю, а там-то где? Она нашла – в примерочной. Мне 5 штанов дала, себе – 5 юбочек. Зашли в соседние кабинки. Между ними – только занавеска. И понеслась примерка. Без подробностей. Единственное скажу, там очередь собралась, но никто не возмущался. Просто все по очереди подходили, в шёлку заглядывали и отходили, мол, примеряют ещё. И очередь шла организованно. По кругу. Посмотрел – вставай в хвост. Без очереди никого не пускали. Я ей говорю, давай хоть раз в приличное место сходим. Она говорит, куда? Я говорю, куда-куда? Куда приличные люди ходят? – Ну, хоть в подъезд.

Хочет: «Банальный секс меня не интересует.»

Я возражал, какой же он банальный? Всё натурально, никаких бананов. А она, не-е-т, говорит, секс должен быть изысканным и неожиданным.

Давай, говорю, как обычно, – в кино, на последнем сеансе, на последнем ряду... Нет, говорит, ты ещё детские грибочки предложи. Сегодня мы встречаемся... на кладбище. В полночь. Ну, сумасшедшая! Потом думаю, хорошо, хоть не в море. Только про это ей не говорите! Она у меня сразу.

Приходим на кладбище. Тишина... как на кладбище. Только эти совы – ух! ух! ух! У-у-ух, как всё непросто. Подходим мы с ней к самой страшной могилке, там земля свежая ещё, я пошупал. А она говорит, тут нас никто не побеспокоит. Это тебе не примерочная. И целует меня при лунном свете прямо в мои холодные губы. Я говорю, может сменим могилку. Вон там под фонарём – площадка с памятниками. Бандиты, наверное, бывшие. Они, как люди. Спасут,

если что. А она прямо топит мои слова в поцелуе. Я чувствую, вроде стало отпускать. И тут из могилки этой страшной высывается рука. Я задёргался, а она ещё крепче меня сжала. Я вижу, что гора цветов на могилке зашевелилась. И тут вылезает из цветов человек в костюмчике «от Армани». Отряхнулся и говорит:

– Давайте знакомиться, я Иван Степаныч, директор всего вот этого праздника жизни, этого благополучия.

И кладбище рукой обвёл.

Я говорю, а я не помню, кто я.

А партнёрша моя хохочет и говорит, ну ты же хотел с папой познакомиться. Вот и знакомься.

Я дар речи потерял и молчал всю дорогу. И вспоминал, кто я? Думал, никогда уже не вспомню. Только когда уже к их дворцу подъехали на их лимузине, я заорал: – Геннадий! Геннадий я! Вспомнил!

Ищите своих партнёров, хороших и разных! Они везде.

Так доживем!

(Нашёл письмо в бабушкином архиве. Она Лужкову писала. Героические люди были – наши бабушки.)

Дорогой Юрий Михайлович!

Это же надо – до чего довели страну! Мэр Москвы по телевизору жаловался – зарплата у него один миллион рублей в месяц. (Не номинированных, тогда) Всего! Это как у нас с дедом пенсия на двоих. А у него-то семья поболее будет. Вот и решила я ему помочь. Советами.

Послушайте меня старую, худа я не насовую. А как от зарплаты до зарплаты дожить, подскажу.

Перво-наперво, на еде не экономьте. Но и шибко не тратьтесь. Исхитряться надо. Сейчас в батончике «Марс» один ломтик бесплатный. Идите в киоски – пусть вам отломают бесплатные ломтики. Мне, правда, почему-то не отломали. Но вы же начальник, вам отломится.

Слыхала, вы коровку держите на своем садовом участке. От! Это правильно! Большой приварок к бюджету. Если самому некогда, пусть жинка ваша сметанку, творожок да в Кремле-то и предложит кому. Да подороже. Они там сидят, поболее, поди, нашего с вами получают.

А то и так бывает. Кончились денежки, а до пенсии еще неделя. Дак в этом случае мой Никодим гармонь под мышку и айда на вокзал. А вернется, любо-дорого смотреть: и пьяный, и с деньгами. Опять же экономия, поить его в этот день уже не надо. А в Москве вон их сколько, вокзалов-то. Знай играй себе, наявивай.

Ежели сейчас экономить да подрабатывать, прожить можно. Даже с нашей с вами зарплатой.

Но, конечно, пока еще много уходит на выпивку. Вроде и пьем редко – раз в месяц. Зато весь месяц подряд. Никодим мой давеча другана своо хоронил, Степана. Дак тот вообще первый раз в жизни отрезвел, когда уж помер. Но экономить и на выпивке можно. Вы гостей к себе не зовите. Их на дармовое-то всегда много желающих. Говорите им, мол, болею, жена болеет, теща с Казахстана приехала. А сами-то к ним и ходите. Поди, не выгонят. Зашел к

нему, спросил между прочим, ну как тут у тебя дела в центральном округе? Он и поставит бутылочку.

А уж если нельзя отказаться от гостей, из Кремля кто припрется без спросу или из правительства, вы им коньяки-то заморские не наливайте. А в эти бутылки – водки, да подешевле. Какая им разница? Все равно, поди, выпивши приходят, не учуют. А вам экономия.

К нам тоже Степан, когда жив был, никогда трезвый не приходил. Дак его хоть мозольной жидкостью пои – все вкусно. А когда он стакан-то сразу хлобызнет, тут уж не до закуски. И вы своим сразу по полному наливайте, чтоб закусок не спрашивали.

По себе знаю, где выпивка, там может проскользнуть и любовница. Это самая вредная для бюджета зараза. Испытала. Когда Степан еще живой был, а значит, пьяный, они с моим Никодимом тоже завели себе в городе, на вокзале. Дак ты попользовала мужика, да и иди себе. Так ить – не-ет! Она ко мне приехала и 200 долларов требовала. Чтобы я, значит, рассчиталась за ее услуги. Пришлось рассчитаться лопатой по задней части.

А Никодим-то какой молодец, не заплатил. Не совсем дурак. Так что лучше уж без них. Но если что, то вы хоть адрес свой обратный не давайте. И пусть бесплатно. Скажите ей, что зарплата мала, что семья на два месяца без еды останется. Че ж она, не поймет, что ли? Женское сердце – оно доброе. Я бы поняла.

И на наряды для жены зря не тратьтесь. Научу, как надо. Я давеча тряпку половую пошла в чулан искать. Старая стерлась. Думаю, сейчас я из своей старой одежды выброшенной тряпку себе и подберу. Гляжу, кофточка. Выбросила я ее еще до перестройки. Вгляделась в нее повнимательней, а она лучше, чем на мне. На мне-то четыре дырки, причем две – навывлет. А в выброшенной – всего две, вот тут на грудях. Никодим за 40 лет протер, видать. Порылась еще в барахле – юбку нашла. Тоже почти новая. Такое добро раньше выбрасывали! Я с себя кофту и юбку на тряпки определила сразу. Никодим пришел с похорон – глазам не верит. Я стою – вся с иголки одетая, в туфлях на высоком каблуке. На одном. Он говорит, Настя, это, что ли, ты – в молодости?

Я как закричу на него:

– Иди в сарай, дурак. Ходишь в рванье. А помнишь ты тряпье для мотоцикла туда унес? Еще до перестройки.

Вернулся он из сарая – хоть под венец с ним иди. Правда, мотоцикл этим костюмчиком он несколько раз вытер. Но все равно же лучше. Красавцем стал.

Лучше по сарайчикам да по чуланчикам пошукать, чем в магазинах тратить. Какие уж магазины с нашими-то деньгами.

И очень много съедает сейчас телефон и электричество.

У нас-то в деревне три телефона: у директора, у агронома и у меня. То ли по ошибке мне поставили, то ли для отмазки, что передовые трудящиеся у нас телефонизированы. Я принципиально никому не звоню. Мне, бывает, кто и звякнет, по ошибке, раз в год. А платить за него надо. Я в «скорую» раз звонила, в город. Жар, говорю, страшный жар. Приезжайте. Приехали пожарники. Водичкой вспрыснули, мне и полегчало. А так отказываться надо от телефонов.

А с электричеством бороться еще проще. Мне внучок прибор ночного видения подарил. Дак я, как кошка по ночам меж горшками прыгаю. А Никодим у меня тоже норовистый бывает по настроению. Давай, говорит, Настя, в кошки-мышки играть эротические в темноте. Я бегаю по избе – все вижу. А он пока все косяки лбом не соберет, успокоиться не может. А электричество я запрещаю включать из экономии.

И телевизор мы включаем, только когда вас показывают, Юрий Михайлович. Такой вы справный да проворный, а вас голодом кормят. Не дадим вас в обиду, Юрий Михайлович. Да мы всей деревней скинемся рублей пб-сту и вышлем вам. А если задержки в выплате у вас случаются (нам пенсию частенько задерживают), то телеграфируйте, будем слать регулярно.

И еще. Мы не знаем, какая зарплата у президента. И может, тоже ему задерживают? Скажу твердо, президента в обиду тоже не дадим. У нас с войны в деревне немецкие каски остались. Если надо, мы привезем и будем стучать касками Западу. Пусть помогают, раз заварили кашу.

Титаник

Юбилею дефолта посвящается.

Кино Титаник я посмотрел (крестится). Позавидовал! Красиво люди жили! По-богатому. Порадовался за них. А катастрофа – так себе. Скучновато. По их меркам может это и катастрофа, а по нашим – обычные серые будни.

Но вот чертовщина, после фильма всё и началось. Получаю я письмо. Правительственное! Пишут: “Поздравляем Вас с присвоением Вам почётного звания “Трижды ограбленный России”.

Но позвольте! Почему “трижды”?.. По моим подсчётам, всего “дважды”.

Нет, если считать, что грабили меня ежедневно и все, кому не лень, то это одно. Тут и жулики... и налоговая... и жена... и любовница... и дети. А если считать, когда грабили настоящему, по-государственному, до самого конца, то я считал – всего “дважды”. А они пишут “трижды”. Конечно, им там наверху виднее. Но я всё-таки решил сходить в банк, уточнить. Глянул на календарь – 17 августа. Пришёл. Увидел. Уточнил. Плакали денежки. И толпа. И я прослезился. Но не из-за денег! А от гордости! За государство! Впервые оно мне сказала правду: “Трижды, а не дважды”. И главное, сообщили вовремя. Когда денег из банка уже не взять.

Я проникся и сел за ответ.

“Дорогое правительство! РэФе! Благодарю за моё очередное звание “Трижды ограбленный”. Хочу уточнить, не полагаются ли мне за это определённые льготы?”

Приходит ответ:

“Да, звание это очередное, и дай вам бог, не последнее. А льготы предусмотрены. А именно: цены будут выше, зато зарплата меньше.”

Пишу им опять:

“Ладно, согласен. Но почему мне к этому званию не выдали значок?”

И что вы думаете? Приходит здоровенная посылка. В описи ценностей написано: значок. Доплатил я за лишний вес и вскрыл. Значок в форме булыжника. Обязанный верёвкой. На камне высечено: “Трижды”... Ну в общем, звание. Приложена инструкция по эксплуатации значка: где носить – на шее, когда носить – когда тяжело.

Первое время было не тяжело. Ну денег нет – картошка есть. Я её у соседа по участку выкопал. Своевременно, т. е. пораньше. И водка в цене пока держится. Пусть даже из последних сил. Правда, купить её не на что. Зато сосед банкир есть, Николаич. Занять можно.

Потом стало похуже. Картошка кончилась... Но извёстка на стенах ещё осталась! Кальций же, витамины.

Но тут банкир впервые отказал. Не дал займы!

Наступило самое страшное – трезвость! Начал я на значок поглядывать. Но Лизавету жалко. Она вторую неделю на диване лежит, не движется. Калории экономит. Исхудала! Осталось в ней всего-то килограммов... сто. Ну чуть больше.

Да нет, думаю, пора! Надел значок на шею – и в парк, на водоёмчик. Гляжу, а там на крутом берегу уже Николаич сидит, банкир. Тоже со значком. Но у него значок побольше. Весом с пуд и надпись: “четырежды”. Он постарше меня.

Я говорю, давай закурим перед стартом. Он говорит, всё кончилось, и сигареты, и жизнь тоже. Стрельнули мы у старичка. Он сам подошёл. Тоже со значком. Причём, значок больше, чем старичок.

Закурили. Сидим. Три Муму. Николаич говорит:

– А у меня сегодня праздник. Моему банку ровно десять лет. Было бы.

А старичок добавил:

– И у меня праздник. Мне ровно сто лет. Было бы.

А я говорю:

– И у меня праздник. Давно на речке не отдыхал.

В общем, на счёт “три” мы бросились в водоёмчик одновременно. С крутого бережка. Я воздуху побольше взял. Думаю, поживу ещё пару минут под водой. Помечтаю без суеты. Лежу на дне, как Горький какой-нибудь, жизнь вспоминаю. Вроде жил долго, а на память пришли только три фамилии: Гайдар, Чубайс и Гитлер. Из зарубежных стран вспомнился Китай. Их полтора миллиарда!.. китайцев. А нас 150 миллионов... человек! И такие ребята тонут! А те живут. Правда, и Черномырдина вспомнил. Только он знает выход из кризиса. Потому что только он знает вход.

Рыбки в нос тыкаться начали. Щекотно. Я глаза открыл – Николаич рядом лежит. Молчит, как рыба. Интересно, о чём он мечтает? Наверное, о деньгах. Смотрю, задёргался Николаич. Пузыри пустил. Первые. Может, ему надо чего? Может, пить хочет?

И тут меня вытаскивает из воды какая-то сволочь. Ну конечно, Лизавета моя. Весь праздник испортила.

А Николаич вредный оказался. Вытащим его – он обратно в воду. Три раза. Во-как увлёкся.

Потом стали старичка по дну шарить. Нет старичка. Ни значка, ни старичка. Как в воду канул. А он с крутого бережка:

– Здеся я. Не взлетел я со значком. Уж не та подъёмная сила. А вас сторожил, чтоб не всплыли.

Лизавета отчитала его:

– С разбегу надо было. Со значком.

И добавила резко, по-ленински:

– Дураки! Вас ограбили, и вы ограбьте.

... Гениально! Опять по кругу?..

Маэстро! “ Марш утопленников”!

Старичок впереди встал, а мы за ним. И пошли домой с песнями:

“Вставай, проклятьем заклеимённый, весь мир голодных и рабов!”

Клава – мой президент!

Скажите, может у нас нормальный человек любить своего президента?.. А я могу. Клава – мой президент. У-у-у! Моя Клава – она даже не президент, она хуже президента. У неё на знамени на чёрном – герб: сковорода и скалка, крест – на – крест. А внизу – моя голова. Знамя она вместо фартука носит: гербом наружу, мне в лицо!

И что обидно, президент она законный, снять её я не могу. Если даже она будет издеваться надо мной каждый день, всё равно я должен по закону терпеть её четыре года. Потому что после нашей свадьбы у нас ещё были выборы.

Демократические. Два кандидата: я и Клава. Два избирателя: Клава и я. И урна – одна штука. Я её принёс с улицы, окурки вытряхнул. Проголосовали: 50 % за Клаву, 50 % – за меня. Второй тур – то же самое. Что делать? Пришлось обратиться к нашей Думе. А Дума у нас из трёх фракций: кот, собачка и попугай. Хотели медведя включить в Думу, но передумали. Он пока плюшевый, а уже такой подлый.

Обратились к фракции попугая. Клава с ним хорошо поработала. Он сказал: "Однозначно! Клава – наш президент".

Кота не могли разбудить. Обратились ещё к независимой фракции. Она у нас числится как объединение Груша. Ну, наша тётя Груша. Она сразу сказала, сами разбирайтесь, я – против всех, против – всегда и против – везде.

Осталась собачка. А она у нас, ну такая лайка. Причём, не просто лайка, а пусто лайка. В общем, спикер, то есть, сеттер.

Клава говорит, к чьему бюллетеню собачка подойдёт, тот и президент. Я только потом понял, что свой бюллетень она чем-то подмазала. Заходит собачка. Бюллетени на полу. Она на мой даже не взглянула. Как рванула к Клавиному! И сожрала его на месте. И всё! Клава вступила в должность. Пока я с открытым ртом стоял, Клава дала клятву честно служить народу. То есть мне. Клялась на голове этой собачки – подлючки.

Когда я в себя пришёл, говорю, Клава, ты хоть тогда дай мне портфель... министра... обороны. Она говорит, хватит с тебя и министра самообороны.

– Ну тогда отдай хоть культуру, что ли, ядрёна вошь.

Она говорит, забирай её на хрен. Я сразу сказал, только ты меня профинансируй. Без денег культуру не поднять. Она говорит, а сколько?

– Ну, на пару пузырей надо.

Она дала, и я пошёл. Понёс культуру в массы.

А как пришёл домой – не помню. Утром просыпаюсь, Клава смотрит на меня, как... президент. На министра культуры. А я всё-таки уже второй день в большой политике, хитрый стал, говорю ей:

– Клава, а давай закажем, чтоб с тебя слепили статую. Статуя Свободы.

Она молчит. Я дальше льстю:

– И поставим её на видном месте... в нашем огороде.

Смотрю, она оттаивает. А я дальше жму. Уже по Дарвину. Кто настоящий мужчина? Тот, кто встаёт рано утром, из постели, снимает с себя костюм, ботинки и лезет к своей жене... И Клава простила мне культуру. Правда, из неё выгнала. Так и сказала, вон – из культуры! На телевидение!

Я сразу – пультик в руки и давай щёлкать по программам. Сиж, руковожу телевидением. Всё просто. Тут главное – кто пальчик на копке держит. Нужную кнопку нажал, а там мальчик, уже запрограммированный, говорит, что все честные люди – они воры. А все воры – они честные люди.

Поэтому вора из обвиняемых надо перевести в свидетели. И дальше – из свидетелей – в потерпевшие. Чтобы ему же и возместить материальный ущерб. То есть, если он украл полстраны, то ему надо срочно возместить ущерб и отдать вторую половину.

А Клава всё сериал просит. Я говорю, Клава, ну ты же президент, вникай в большую политику. Она: нет, сериал. И отобрала у меня пультик – скинула с телевидения. Перевела в свои пресс-секретари.

Соседка спрашивает по телефону, как себя чувствует ваша супруга? И я докладываю:

– С утра рукопожатие моей Клавы было крепкое. А удар сковородой по моей щеке был мягкий. Но мой профиль на той сковороде получился чёткий. После этого здоровье Клавы улучшилось и её отвезли на скорой в резиденцию "Ямки-9". Работать и лечиться с документами. Из документов она взяла с собой паспорт.

А здоровье у Клавы и правда пошатнулось. Потому что, как только она стала президентом, запила сильно.

А как протрезвеет, в отпуск норовит, то в Сочи, то в Карелию. Из отпуска приезжает выпивши. Думу гоняет по квартире. Кот орёт от голода. Собачка Клаве вообще импичмент

хотела устроить, за руку её укусила. Но не до импичмента. Потому что попугай помешал, крикнул, гад: “Клава – наш президент!”

А тут как-то к подруге поехала в Долматово, правда, не самолётом, а поездом. Да тут 100 км. Но всё равно проспала. В Шадринске только проснулась.

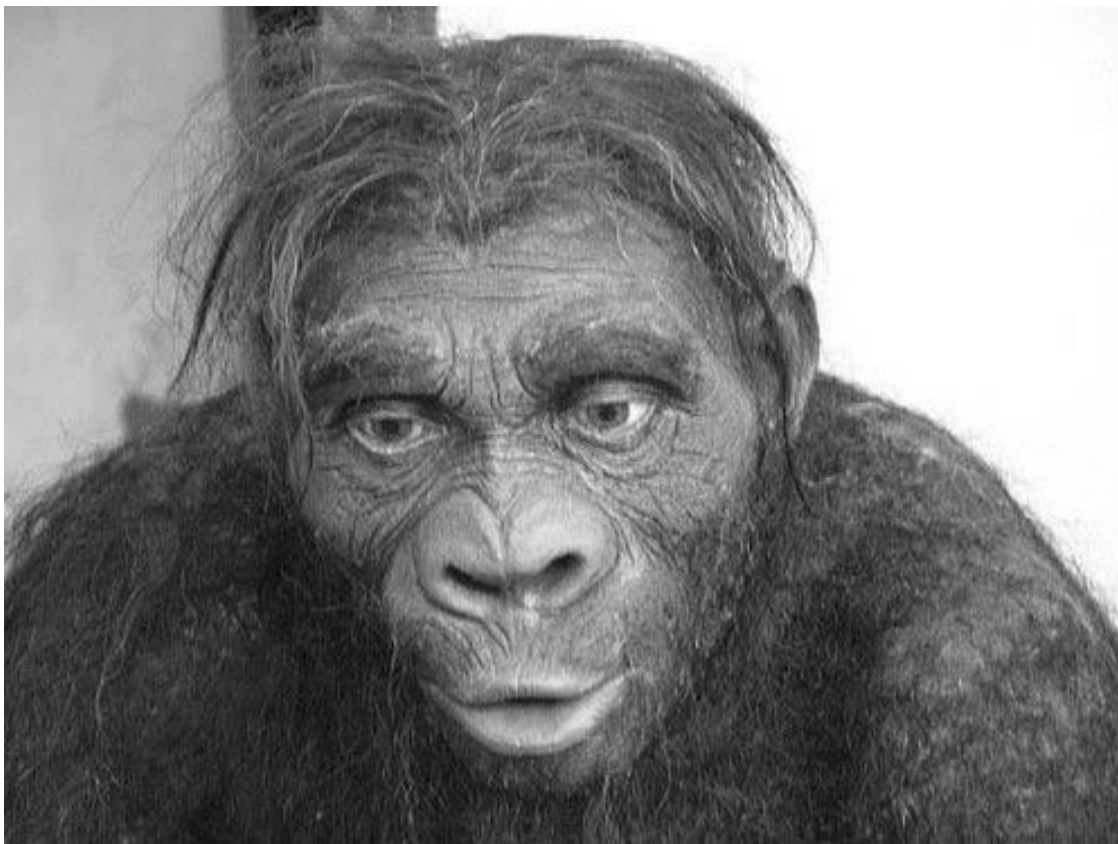
Я говорю, Клава, ты чё-то как-то не того. Давай готовь себе преемника. Думаю, кроме меня – некому.

А Клава говорит, преемник уже готов. И тут звонок в дверь. Я открываю, а на пороге – тёща. С вещами. Преемник. Фартук Клавин с гербом взяла, перед моим носом потрясла и на себя надела.

Утром говорю Клаве нежно, может ты погорячилась с преемником, с отставкой? Клава говорит, а я в отставку не пойду. Просто я пойду на повышение. Теперь я не президент, а царь.

И вот я сейчас в большом раздумье, кого на выборах избирать. Или преемника Клавы – тёщу? Или плюнуть на них вместе и пойти выбрать себе новую Клаву.

Снежная человека

Что случилось с группой Дятлова на Урале – никто не знает, снежный человек знает. Он до-олго живёт, всё помнит. Об этом написал в редакцию его работник по хозяйству, мажордом Машраб.

«Я, когда в Таджикистон жил, снег не видел вообще! А теперь здесь, я снежная человека вижу каждый день. Она хорошая. Она – мужик! Она с женой живёт, оба два живут: снежная человека – мужик, и снежный баба – тоже человек. Баба вообще красавица: барада, усы, мех полностью на тело с ног до голова. Шуба не нада, сапожки не нада, нижний бельё ненада. Всё свой, натуральный. Я у них – сын приёмный, любимый, потом расскажу.

Северный Урал – кушать целый год есть много всегда: шишка есть, лягушка есть, гриб, цветочек, ягодка – многа, мох везде есть всегда, ягель. Вон муравей бежит – кушай его сколько хочешь, витамины.

Квартира-пещера у человека есть, пять комнат, центр тайги, участок – пять Франций. Прихожая есть, потолок – 7 метров. Снежная человека здоровенная такая – 3 метра, а голова – целая всегда.

Спальная есть, баба сидит мех чешет, расчёска есть, зеркало есть. Морду мажет крем от лица. Муравьиный моча с мёдом, шерсть лучше растёт, тепло всегда.

Снежная человека, мужик, в кабинет сидит, телевизора смотрит, передача «Пусть говорят» Малахов любит. «Кривое зеркало» смотрит, хохочет. Думу смотрит – плачет, Валуева жалко, усыновить его хочет.

Випить есть всегда. Ракета летит, ступень рухнул, бак отпал – выпить есть. Ракетный топливо пьёт, водка – не может. С водка на другой день голова болит, ничего не помнит. А

топливо пьёт – всё помнит, ничего не болит. Толька немножка желудок бурчит, живот пучит. Он на улица вышел, реактивная тяга включил и – нет его. Обратна прилетел – свежий совсем.

Русский язык знает лучше, чем я. Я его учил. Он стихи пишет, книжки вслух читает. Больше всех Бармалей нравица. Страшный сказка любит – Кашей Бессмертный, Лихо Одноглазый. Бабу Ягу боится, на жену оглядываеца. Самый страшный сказка – «Как девки на беседе сидели». Он толька пад адеялом её читает. Девочек боится.

В квартире всё есть – ванна джакузи шесть на шесть. Ремонта я делала. Всё палажила акуратна – кафель, плитка, асфальт, щпала... Сверху руберойд, битум, смола – купайся, не протечёт.

Гараж есть. В гараж двенадцать штук транспартный средств стоят. Двенадцать белый медведь стоят – кушать не просят... Жрать хочут, мяса любят. Мужик их в упряжку собачью зацепил, в сани сел – паехали за мясом! Медведи тюлень наловил, сам покушал, мужику дал, бабе дал, мне дал, я сало не ем. Я травку пожевал, покурил, понюхал – всем весело.

Снежная человека сама медведи ловила, дрессировала. Долга искала. Туда пошёл – нет хороший медведь. Сюда пошёл – ещё хуже, то не белый, то не медведь. Кошка проста бежит. Манси сказала один, хорошая медведь на дороге не валяется. Нада в Америка идти за медведь. Северный Урал, северный Америка, прямо через полюс. Там родня манси живёт, народ наваха. "Танцующие сталбы" рядом совсем. Падходим мы к "Танцующим сталбы", народ наваха нету, записку некому передать. Одни толька белый медведь, двенадцать штук, танцует вокруг эти каменные сталбы на задних лапах. Снежная мужика подходит к белый медведь и гаварит, это ты белый медведь? Это ты – вожак стаи? За ухо его взяла, от земли подняла и спрашивает:

– Сабакой будишь?

Медведь залаял, ав, ав, ав, буду сабакой. Описался чуть-чуть.

Народ наваха вышел из-за сталбы, записку прочитал, сани нам давал, упряжку давал. Домой быстра доехали. Медведь лает, быстро бежит, на снежный мужик оглядываеца. На привалах медведь, 12 штук, тихо сидят. Кто в туалет хочет, отходит к торос, ногу заднюю поднимает. Все научились, правильна писяются.

Мужик Прима курит. Баба не даёт в пещер курить. Ругается, иди на улица кури, кричит, разведусь, имущество заберу и иди опять в свой Гималай. Вам тут не Гималай, говорит, тут центр тайги, Северный Урал. Панаехали тут. Виганю, гаварит, где ты такую же найдёшь? Руки в боки стоит, ноздри, как пылесос дышит, барада торчит. Я её вабще боюсь! А снежная человека мужик, она такая добрая, идёт курить на гору Отортен – "не ходи туда" – переводится. А она ходит туда и курит, и выпьет с горя, там заначка есть. Баба белый халат ему дала, говорит, не пугай ребят, кури и всё.

А манси стоят под горой, подглядывают. Говорят, вон они боги наши – в белом ходят, трубки курят, кольца пускают.

А боги есть, я сам видел. Три бога один раз, мы курили сидели, они пришёл, спрашивают: – Мужики, дай закурить.

А как ты не дашь? На улице нет никого. Мы дали, они дальше пошли. В белых халат, на лыжах, с автоматами. Палец к рот прикладывают, тише! – гаварят.

Я на зона был когда, в Ивдель, итальянский мебель делал: табурет, полочка, скамья, ручка для лопата, проста дощечка гладкая, в хозяйстве пригодится. Всё делал. Начальника зона говорит, всё, ты свободен, иди кури своя травка на воля. А куда? Он показал, туда иди. На юг иди, домой иди. Я сумка взял и пошёл туда. Да не туда. Начальника ошибся. Или пошутил. На север показал. Шёл, шёл, шёл я... и пришёл. Дальше не помню. Глаза открыл – снежная человека, баба, меня на ручках качает. Кричит:

– Папа, папа, он глазки открыл, улыбается.

Мужик подбежал, гаварит, сын, сын. На бабу показал, это мама твоя. Исцеловали меня всего. Вверх пад паталок подбрасывает, кричит, чу-кик, чу-кик! Харашо, паталок – 7 метров,

галава целая. Усиновили меня. Я думал, если они так меня любят, может, не съедят. Я долга им не мог говорит, мама, папа. Только-только привыкаю.

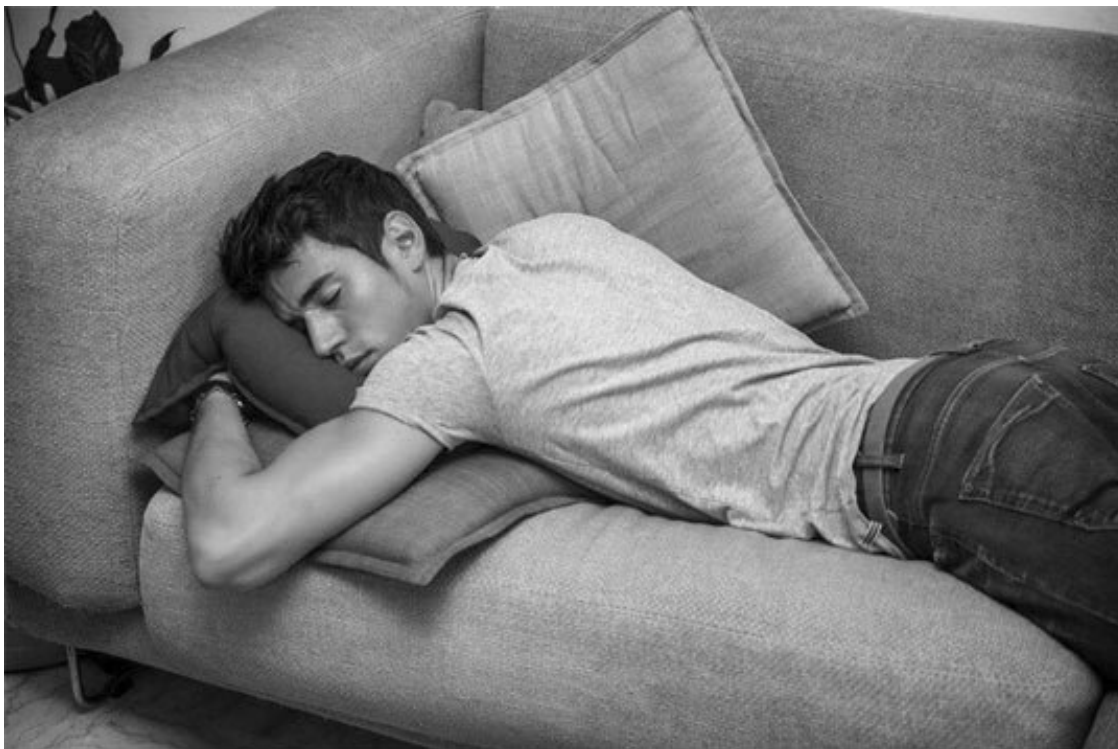
Я к маме падбегаю, гаварю, мамачка! Мы с папой гулять пошли, курить пошли. Он меня за ручку повёл. Она как закричит на папачку:

– Ты куда ребёнок голый повёл на мороз? Сматри, какая у него шерсть тонкий, как у обезьянка. Его только в Африка можна водить с такой шерсть.

Одела меня в олений шуба, олений штаны, олений трусы. Она говорит, новый всё, вчера сшила. Мы пашли, ко мне сразу олень подбежал, с рогами, нюхает меня, нюхает, не отходит. Мы идём и он идёт. Может, шкура – из его оленихи любимой? А может, в меня влюбился? Снежный мужик, папа, взял его за рога, покрутил над головой, поставил на место. Олень убежал и опять прибежал. Ещё олени привёл, сани привёл, упряжка олений. Мы сели, быстра поехали на перекур. Так и ездим: на охоту – на медведях, курить – на олених. Как хорошо, кагда тебя любят!

Плоха стало, когда Малахов сказала, снежная человека виновата, ребят напугал. Мама с папой вальнуется, плачет, иди сын в редакций, скажи, мы ничего не знал. Пусть берёт съёмочный группа, приезжает. Малахов усиновим... Дорогой редакций! Памагите искать брат Андрей Малахов! Будем за правдой ехать. Мама-папа в беде выручать.»

Вздремнул

Вася Васильев спал ровно пять лет. Тихо спал, не дёргался. Пять лет назад перед сном он спросил жену:

- Зина, у нас есть талоны на водку?
 - Есть, а что толку? Всё равно не отоваривают. Нечем.
 - Дак тогда какой смысл вообще на улицу выходить?
- И завалился спать.

Зинаида обрадовалась, когда он не проснулся на следующий день. И через неделю. И через год. Ну как хорошо: есть не просит, пить не просит, и хоронить не надо. Спит себе, тёпленький, розовенький. Правда, по осени ворочается почему-то. Зинаида ухаживала за ним, за спящим, как могла. Весной, когда мыла окна, протирала и ему этой тряпочкой лысину и лицо. Он улыбался во сне. А во время уборки, раз в месяц, обязательно проходила по нему веничком. На зиму она не забывала укрывать его одеялом. А к лету обязательно одеяло снимала и не укрывала ничем. Потому что лёг он спать, как всегда, в одежде.

На третий год сна Василия она всё-таки дала согласие на сожительство Ивану. Правда, тот просил чуть больше – руку и сердце. Но Зинаида твёрдо отрезала:

- Это как же при живом-то муже?!
- Да он же спит.
- А вдруг проснётся? Как я могу замуж идти, если муж вздремнул немного.

Первая внебрачная ночь Зинаиды с Иваном была кошмарной. Дело в том, что Василий и Зинаида жили в однокомнатной квартире. И в самый ответственный момент Василий вдруг встал с постели и с закрытыми глазами сходил в туалет. Потом попил рассолу из банки и снова залёг.

– А ещё замуж звал, – язвительно сказала на следующий день Зинаида Ивану, – в любовники даже не годишься.

- Дак чо он ходит-то? – только и мог ответить Иван.

Василий проснулся через пять лет под вечер.

– Зина, сколько времени? – был первый его вопрос.

– Без пятнадцати семь.

– Утра или вечера?

– Вечера.

Василий вскочил и бросился к выходу.

– Ты куда?

– В магазин, надо успеть до закрытия за бутылкой. Давай быстрее талон.

– Да нет никаких талонов.

– Чо, опять не выдали? – он резко сунул руку в карман брюк и вынул мятую пятёрку. – Видишь, деньги есть, я вчера заначил. Давай быстрее талон.

– Выкинь эти деньги.

– Ты чо, Зина, последнюю пятёрку – выкинь? Да у меня башка трещит после вчерашнего.

Не проспался...

Зинаида достала из-под скатерти с комода талон пятилетней давности, и Василий исчез за дверью.

Прижав к груди одной рукой талон, а другой пятёрку, Василий выскочил из подъезда и...

... Остолбенел!

За одну ночь – и так всё изменилось! Вместо шашлычной – казино, вместо булочной – банк, вместо баб – дамы, вместо мужиков...

– Эй, мужик, мужик, а чо тут такое происходит? Кино, что ли снимают?

– Я господин, а не мужик, – ответил мужик.

Ага, значит, вместо мужиков господа. На домах – реклама и зеркальные стёкла. Подбегая к винному, Василий заподозрил неладное. На улице не то что очереди – ни одного человека не было.

“Закрыли, не успел”.

Но дверь была широко распахнута, а в витринах сверкали этикетками и пробками тысячи бутылок, и вроде все со спиртным. Василий с большим трудом отыскал глазами “Московскую”. Но его сильно испугал ценник: “6 т.р.”

– Это шесть талонов за пузырь! – ужаснулся он. – За ночь такую подлянку устроили?

Но к кассирше подошёл уверенно, решил уговорить.

Молодая девушка долго смотрела на Василия, потом на талон, потом на старую пятёрку и... отбила чек. Василий схватил заветную бутылку и бросился за пивную палатку к ребятам. Ребята почему-то сильно постарели за ночь. Первым его увидел Николай:

– О, Василий, ты где был столько лет, не в Америке?..

... После первой кружки Василий узнал, что, не выходя из постели, он перешёл к капитализму. После второй – что товару, как в Париже, а талонов давно нет. После третьей он не поверил и налил четвёртую.

Домой Василий вернулся бледный и трезвый.

– Ты почему меня не разбудила? – спросил он Зинаиду строго.

– Будила. Не смогла.

– Крикнула бы в ухо, мол, талоны отменили, водки – залейся. Я бы и проснулся.

– Не догадалась.

– А как ты без меня? Столько лет.

– Да ничего. Иван сватался, руку и сердце просил.

– Ну, а ты что?

– Отказала. Они у меня заняты.

– А остальное?

– А остальное – спать надо меньше...

Первое время после пробуждения Василий ещё резко срывался со стула без пятнадцати семь. Но потом привык. С завода уволился, пить бросил. А зачем пить, когда всего навалом? Азарта нету. Занялся коммерцией.

А Зинаиду уложил спать. На пару лет. Как? А очень просто. Крикнул, как Кашпировский: “Спать!” И шепнул установку: “На два года”.

... Проснулась Зинаида, как обычно, рано утром. Встала, по привычке подошла к окну взглянуть на кольцевую дорогу и обомлела. Её взгляд упёрся прямо в рубиновую звезду Кремля. Она отшатнулась от окна и повернулась к двери. На пороге комнаты стоял Василий в ослепительно белом костюме с огромным букетом алых роз.

– С добрым утром тебя, Зина. Как тебе наша новая квартира?! Мягко прозвонил телефон. Зинаида робко взяла трубку и услышала приятный мужской голос:

– Здравствуйте, Зинаида Петровна. Не мог бы Василий Васильевич ответить Юрию Михайловичу?

– Скажи, меня нет, пусть звонит на работу, – шепнул Василий. Когда Зинаида положила трубку, он открыл бутылку шампанского и, подняв бокал, сказал:

– Я не пил два года...

– Ну дай я хоть в ванную схожу!.. Когда Зинаида в новом халате вернулась из ванной джакузи, он продолжил:

– ...И два года не спал. Ни минуты. Начал я дело с того, что побил морду Ивану. А дальше пошло, как по маслу: газетный лоток – водочный киоск – оптовая торговля – политика.

– И кто ты сейчас, если не секрет?

– Не секрет. А большая тайна. Во мне вскрылись такие резервы, каких Родина-мать даже не видывала. Давай-ка выпьем за нашу новую жизнь.

Хрустальный звон бокалов вылетел в окно и растворился над Москвой-рекой.

В москву! В столицу!

– Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой законный, вернулся. Почему ты не рада? (Прислушивается к шагам на кухне). Тамара, кто это чеканит шаг на кухне в моих тапочках?

– Это мой муж.

– Как тебе не стыдно при живом муже выходить замуж?

– Какой ты мне муж, если мы с тобой развелись?

– Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой. Мы же фиктивно развелись, Тамара. Чтобы я фиктивно женился и прописался у неё. Чтобы в Москве. И чтобы потом разменялся жилплощадью, развёлся с ней, снова женился на тебе и прописал вас с дочерью. Чтобы в Москве, Тамара. А не в Томской области Красноярского края.

– Но ты же со мной развёлся?

– Фиктивно – да.

– И на ней женился?

- Фиктивно – да.
- И у неё прописался в Москве?
- Фиктивно – да.
- И сын у вас родился?
- Фиктивно – да. То есть нет, он просто родился. Случайно. Но это ничего не значит. Ведь я уже с ней развёлся. Теперь нам надо пожениться с тобой.
- А куда я дену мужа?
- Какого мужа?
- Который на кухне в твоих тапочках.
- Разведись с ним, Тамара. Он нам не муж. Он, подлец, воспользовался ситуацией, пока я пробивался в Москву.
- А куда я дену сына?
- У нас нет сына, Тамара, у нас дочь. А сын у меня в Москве. Появился. Случайно.
- Да, у нас с тобой дочь, а у нас с ним – сын.
- С кем с ним?
- Который на кухне.
- И у тебя сын появился?
- И у меня сын появился.
- И у меня сын. Появился. Случайно. Значит, у нас с тобой появилось по сыну. Во время фиктивного развода. Но теперь, Тамара, объясни ты этому на кухне, что развод у нас с тобой фиктивный. Мы состоим в браке. Фактически. А ваш брак с ним недействительный. Он фиктивный. У вас не имел права появляться сын. Это противозаконно.
- Ты сам этого хотел.
- Я хотел в Москву, а этого не хотел. Я жертва.
- Тебе придётся платить алименты на дочь. Я уже подала заявление.
- Ты уже вторая, Тамара. Первой подала та, фиктивная. Значит, у меня всего будет два алимента. И ещё мне негде жить.
- Но ты же хотел разменять ту квартиру.
- Та квартира тоже фиктивная, её нельзя менять. Пропали денежки. Нас обманули, Тамара, это жулики, проходимцы. Мы больше не москвичи, Тамара.
- Это ты не москвич, а я москвичка. Мы уезжаем завтра с мужем домой, в столицу.
- С каким? Что на кухне?
- Да, у нас там квартира забронирована. Он приезжал к нам в леспромхоз героически трудиться. О нём писали газеты. Оставил столицу и приехал в глушь. Вот так. И вообще, я советую лично вам идти в общежитие леспромхоза, пока комендант ещё там. До свидания, товарищ. (Уходит).
- Так вот кто, оказывается, герой. Её муж. Уехал из Москвы в тайгу. Ловко. Там выпи-сался, тут прописался, квартиру не забыл забронировать. В газете о нём писали. Я согласен, пусть он герой. А о нас, безымянных героях кто напишет? В тайгу-то легче попасть, чем в столицу. Сколько нас в Москву рвалось не прорвалось. И сколько рвётся не прорвётся. О нас надо писать, об истинных героях. Об отчаянных и смелых, безумных и храбрых, о тех, кто рвётся в Москву.

Босиком

И чего они у меня спрашивают все? Пристают, почему это я босиком по улице иду? А может, я на работу иду? Да. Я ведь и иду на работу. На обувную фабрику. У нас многие на работу так идут. Зато с работы – по-другому, в обуви. А разве где-то не так? Зачем, например, официанту брать на работу шашлык? Или врачу – таблетки? Или таксисту – полтинник на обед? Так и я, не беру с собой обувь. Это же естественно.

Кто в столовой работает – голодный на работу идёт. Кто на табачной фабрике – без единой сигареты в кармане идёт. Кто на ликёро-водочном – на работу идёт трезвый. И не надо спрашивать.

Я никогда не спрашиваю продавца из овощного: "Почему вы без помидор на работу идёте?" А меня спрашивают. Утром – почему босиком? Вечером – почему в женских сапогах? Такое внимание к рядовому работнику.

А у нас на обувной просто гении есть. Вот дед Герасим мусор на лошади вывозит. У него лошадь, как и я, на работу тоже босиком идёт. Зато с фабрики везёт мусор в туфельках. Две пары ног – две пары туфелек. За один рейс. Правда, с лошадью тоже не просто. Бывает, противится лошадь, не хочет потом туфли снимать. Кусается. Герасим раз силой с неё снимал, так она лягнулась. Ну, туфельки погибли, а Герасим – ничего. Только туловище слегка погнул.

Дед Герасим в юности на мясокомбинате работал. У него вообще страсть к животным. Там он через проходную корову проводил. Сначала он её дрессировал, чтобы она на задних лапах ходила и непринуждённо держалась в обществе. А потом надевал на неё ватные штаны, фуфайку и оренбургский пуховый платок. И выходили они с мясокомбината с коровой под ручку. Под видом парочки.

Правда, на одной корове он пострадал. Выдрессировал он её, принарядил, она его – под ручку, и идут через проходную. А навстречу – жена. Жена как увидела Герасима с другой женщиной, так на корову и бросилась. А корова – му-му, му-му, ничего понять не может. Держится непринуждённо. В общем, жена корову завалила, вцепилась в коровину одежду и держит. И всё это на глазах у охранника. Охранник ничего понять не может. Думает, у него в глазах двоится. А жена-то у Герасима – одна, попробуй, разберись, которая. А с другой стороны, разнимать надо женщин, а то плохо кончат. И охранник решил, которая, значит, сильнее и сверху – ту и оттягивать начал. А Герасим охранника начал оттягивать, чтобы, не дай бог, одежда с коровы не слетела. Но в такой суматохе разве одежда удержится? Сначала ватные штаны с коровы слетели, потом фуфайка, потом – оренбургский пуховый платок. Когда охранник увидел голую корову, то стал подозревать, что это не жена Герасима. А жена Герасима сразу поняла, что это корова. И поняла, что корова трофейная. Теперь охранник стал корову обратно на мясокомбинат загонять, а жена Герасима не хочет отдавать корову. Мясо же... и шкура... Считай, уже почти свои были. Раз за пределами проходной. И опять суматоха началась. Но тут вмешалась милиция. Потом Герасима перевели от коров, значит, к нам на обувную. К лошади приставили.

Сам я тоже иногда неудобства испытываю. Обувь-то разная нужна. Кому – 37-й размер, кому – 49-й. А у меня-то нога – 40-й. Помню, для брата в 51-х сапогах шёл. Длинные, как лыжи. Ну, стою, жду автобуса. Автобус подошёл и мне на носки сапог наступил, наехал. А я и не подозреваю. Хочу в автобус зайти, а не могу. Дёргаюсь. Пассажиры меня с дороги устраниют, а я не уstraняюсь. Загородил дверь. Спасибо тому боксёру. Вышиб меня из сапог.

И вот так, идёшь на работу, спрашивают: почему босиком? Идёшь с работы – почему в комнатных тапочках? Я не такой. Никого не спрашиваю. Летом в шубах идут, в меховых шапках – пусть идут. Я не спрашиваю.

Но однажды спросил одного мужчину. Он, как и я, босиком шёл. Но я точно знаю, что на обувной он не работает. Я говорю, вы на работу? Он говорит, да.

– А почему вы босиком? Вы же не на обувной работаете?

– Нет, я в НИИ работаю, инженером.

И дальше пошлёпал. А я подумал, что это йог. Как ни крути, а от них все беды. Такого пусти к нам на фабрику – он и с работы босиком пойдёт. Его в пример поставят. Вот она, язва-то откуда идёт. Выведем. Не посмотрим, что живучие. Раз йоги – в Индию их! Там все босиком.

Узники зимней сказки

Баня

Как хорошо встречать Новый год на даче с любимой женщиной. Если она есть, конечно, дача.

Сначала надо затопить баньку. Ну и что, что дров нет. У соседа – три куба. Он и не заметит, если взять пару кубов.

И вот уже банька курит в небо, а с неба – снег. Он такой густой и пушистый, что туалета не видно. Приходится ходить туда по компасу. А когда идёшь, всё время сбиваешься с курса. Потому что компасы наши показывают не на север, а на винный магазин. А вот и туалет в пределах видимости, на расстоянии вытянутой руки. Открываешь дверь... а там уже кто-то есть. Ну, конечно, это она, моя любимая. Ей не хочется нарушать эту божественную тишину криками “занято”. Она шла без приборов, но пришла первой. Вот что значит женское чутьё. У них же не нос, а прибор ночного нюхания.

Накрываем на стол под музыку Аллы Пугачёвой. Песня о настоящем полковнике. Самая лучшая строчка в песне: “...давит грудь подполковник”.

А моя любимая шинкует лук. Я вижу в её глубоких глазах слезинку. Говорю ей, не плач, родная, всё будет хорошо. А она отвечает, ага, хорошо, поработал бы с луком. И я, конечно, шинкую сам. И плачу, и плачу.

Стол готов. Мы выходим на улицу, а там уже гости – две бездомные собачки. Угощаем их роскошным ужином. И молча завидуем им. А чего им? Зарплату не надо, одежду не нужно, кто прошёл в Думу – неважно. Даже на выборы президента они не выставят свои кандидатуры. А зря. Во второй тур прошли бы обе. Но пора и по “первой”. Ставим на плечи камина свечи, выключаем свет. Я произношу тост:

– Дорогая, ты хочешь похудеть, поэтому от всего сердца желаю тебе пренеприятного аппетита.

А вот сейчас можно и в баньку. Полстакана пива – на каменку, и дух поплыл хлебный, будто лежишь во ржи и ржёшь от удовольствия.

А моя любимая не промах. От жара она надела на руки варежки, а на груди – валенки. И шпарит себя веником в тумане пара голубом. А валенки быются, быются, нагоняя на меня горячую волну.

А из баньки – ба-бах! – в снег, и он тут же закипает. А ты крупными сажёнками плывёшь по нему, а в глубине под снегом медленно проплывают грядки с клубникой, луком и – оп-па! куст крыжовника. Вцепился, как осьминог, и щекочет. Влетаешь обратно в баньку, и непонятно от чего кожа горит, то ли от жара, то ли от снега, то ли от крыжовника сотни иголок впиваются в тело со всех сторон. А любимая тоже хочет в снег, но не может снять валенки.

Она просит, сними с меня обувь. И я помогаю ей, с трудом, с третьего раза. Она тут же русалкой ныряет в снежную пучину.

После баньки – шампанское! Холодненькое! За Новый год по Омску. Конечно, можно начать с Владивостока, но тогда до Екатеринбурга не дотянуть. А за Новый год по Екатеринбургу отдельный тост – из трёх бокалов. И далее со всеми остановками до Москвы, и по Гринвичу. И на каждой остановке – друзья, родные и близкие люди. И они тоже поднимут тост по Екатеринбургу. И идёт эта волна тепла от Тихого океана по всей России, катится, переливается улыбками, снегом и смехом.

И уже забыты все невзгоды. И хочется любить.

В эту ночь любят даже олигархов. Хотя, конечно, меньше, чем хана Батыя.

И любимых женщин любят... Да, кстати, а где она, моя любимая?

А она в кресле у камина свернулась калачиком... нет, калачом... сдобным и спит. И что-то шепчет во сне. Наверное, про меня. Прислушиваюсь, шепчет:

– Блин, вот, блин, ну почему, блин, первый блин – комом блин, всегда, блин.

Во блин! Про меня, блин. Разбежался, блин. Она же блинчики сегодня делала, устала. В праздники они устают. Почему-то.

Утро. На стёклах от морозца диковинные цветы, деревья, зверушки. Зимняя сказка. Я пальцем потрогал одну зверушку, она убежала. Бывает. Хотел дерево потрогать, но передумал. Я – без каски.

Но пора и в город. А как в город, если из-под снега машину не видно? Конечно, на “Ниве” мы бы и под снегом прошли, как в подводной лодке. Но я опять перископ не взял.

А что, собственно? Шампанское есть. Блинчики есть. Зверушки есть... просят. Значит, остаёшься! Это же прекрасно – узники зимней сказки!

А завтра приедут трактора с нормальными трактористами и расчистят нам дорогу к нормальной жизни.

А сейчас шампанского!

За любимых!

За зимнюю сказку!

Автогонщица

Про стритрейсеров вы слышали. Гоняют по ночным улицам и дорогам без правил. Это как бои без правил, но на машинах. А мне автогонщица попалась, эти ещё хуже! – молодая такая, крепкая. Я на дороге голоснул какому-то автобусу, а она на машине своей диковинной чуть ли не из-под автобуса выскочила и возле меня остановилась, как вихрь замер. Я говорю, до моря не подбросите? Спрашивает, до какого? А дело в Можайске под Москвой. Я туда на электричке доехал. Говорю ей:

– До нашего, до Можайского. А вы до какого можете?

– Да до какого скажете, до такого и можем. Москва – порт 5-ти морей, выбирайте.

– Я бы Чёрное выбрал. Но это дорого, наверное, на машине ехать, думаю, она шутит, и я пошучу.

– Я покатаюсь выехала, а не «бомбить». Садись, поехали. Искупаемся заодно.

– Так мы купаться поедем? – удивился я.

– Ну, ты на Можайское зачем шёл?

– Исккупаться шёл, позагорать, отпуск у меня.

– А у меня всегда отпуск. Ты хотел в Можайском водоёме искупаться, а искупаешься в Чёрном море. Кстати, ты где там предпочитаешь купаться?

– Я в Анапе, наверное.

– Ну, и поехали!

Она так дала по газам, что машина вздыбилась на задние колёса, меня вдавило в сиденье, и кошмар начался!

Машина встала на все колёса после удара под днищем.

– Мы наехали на что-то, – прошептал я.

– Да не бойся ты, это у меня так автопилот включается, – спокойно ответила она, убрала руки с руля, закурила и сказала:

– Теперь можно спокойно поговорить. Меня Мара зовут, а тебя?

– А я не помню уже. Вспомню – скажу. Ты бы, Мара, на дорогу посматривала. И на автопилота бывает проруха.

– У моей машины не бывает. Папа у Илона Маска машину заказывал. Она у меня и самолёт, и катер. От гаишников уходить, а то надоели.

Ну, едем так за спокойной беседой, гоним куда-то, как сумасшедшие без руля. Кофе попили. Я смотрю в зеркало, а за нами скорая помощь и пожарка гонятся, не отстают. Причём и пожарка, и скорая – тоже спортивные. Я говорю, похоже, за нами гонятся. Она отвечает, папа это чудит. Прикрепил ко мне машины сопровождения, как к маленькой.

В это время на дорогу вышел табун лошадей. Перед лобовым стеклом за долю секунды промелькнуло лошадиное туловище, копыта и голова с огромными глазами. Все осталось позади, но наш «Илон Маск» почему-то начал чертить по асфальту брюхом. С крыши в моё боковое окно свесилась лошадиная голова с огромными глазами и внимательно меня осмотрела. Значит, мы везли на крыше кобылу. А может, мерина. Лошадь пожевала губами и укусила меня за плечо. Я вскрикнул от такой наглости. Мара в другое окно схватила лошадь за копыто и пощекотала его. Лошадь заржала и прыгнула на землю. Видимо щекотки боится.

– Ну, ты ещё не вспомнил, как тебя зовут? – спросила Мара.

– Да как тут вспомнишь?

Тем более, что гаишная сирена сзади уже приближалась и заглушала шум ветра и ржание лошадей. У гаишников, видимо, были к нам вопросы. Мара нажала какую-то кнопку и мы плавно взмыли в воздух. Две маленьких гаишных машинки остались далеко внизу. И наши «пожарка» со «скорой» – тоже.

Но на высоте птичьего полёта другие помехи появились. Сначала бились ласточки об стекло. Потом в хвост пристроились журавли. Летели за нами клином и курлыкали.

Потом дельтаплан пронёс человека. И что удивительно, этот дельтаплан птицей оказался. Он приземлился к нам на капот и человека аккуратно положил у лобового стекла. Стал нас изучать. Клювом здоровенным об стекло постучал, голову наклоняет в обе стороны, интересуется. Тут и человек зашевелился, обстановку оценил и давай кричать, спасите, помогите.

Заташил я его в машину с грехом пополам. А птица крылом махнула и улетела. Человек быстро отошёл от стресса, сказал, Геннадием меня зовут. Вот КАК они всё помнят при стрессе? Оказалось, он из самолёта выпал, а птица его спасла. Вернула в родную стаю к людям.

Геннадий быстро освоился. Спрашивает, а куда вообще, летим? Я говорю, в Анапу. Он обрадовался, говорит, тоже в Анапу летел на самолёте. Но там в туалет пошёл и вышел не в ту дверь. И добавил, – наверное.

Мара скомандовала, пристегнитесь все, садимся на море. И сели. Геннадия к берегу подвезли, он пошёл семью искать в гостиницу. Главное, даже название гостиницы не забыл.

А мы с Марой искупались, позагорали и к вечеру вернулись в Москву. Попрощались, вроде бы, с взаимными симпатиями. Я говорю, если вдруг – что, то как и где? И когда? Она отвечает, смотри телевизор и прессу читай. Найдёшь, если захочешь. И укатила. И что вы думаете? Найти-то я её нашёл. Но как зовут меня, до сих пор вспомнить не могу. В паспорт заглядываю.

Королева «русской рулетки»

Я ночью ложусь спать и тоже... уснуть не могу. Знаю, люди баранов считают и засыпают. А я начинаю своих бывших считать. Где-то на 13-ом уже храплю. А на 15-ом уже сны вижу.

...Раз-два-три-четыре-пять... Ой! Вот на пятом вздрагиваю! Никитой звали. Чуть что – револьвер дедушкин вытаскивает, барабан крутит перед носом у обидчика и говорит: – А в русскую рулетку слабо сыграть?

Вот я от него понахваталась характеру-то! Рискую – всё нипочём. В лес иду за грибами, все грибники – укутаны наглухо. От клещей скрываются. А я – в купальнике! Жрите, сволочи... если не боитесь. И вот, глядишь, он ползёт по ручке-то, старается, ищет, где кожа-то поглаже. А я его направляю пальчиком, вот сюды ползи, на запястье. Он как вопьётся, да кровушки насосётся, ну... туды ему и дорога. А некоторые выживают. Я их обратно в лес отпускаю. Жалко же. Живая природа.

Никита отчаянный был. Всё судьбу испытывал. Судьба его боялась, как огня, пряталась от него. В грозу выбежит из дома, за электрический столб схватится и ждёт, когда молния шандарахнет. И шандарахнуло. Столб внизу, как пилой срезало. А Никита столб удержал. И электриков дождался. Правда, чёрный ходил долго.

Его все негры спрашивали, вы случайно не из Кении? От них он про комара-то узнал. Что есть там такой комар – укусит, и – кранты! Смертельная лихорадка е-бола... или ёбола. Деревни выкашивает. И загорелся он! Хочу, говорит, в глаза тому комару посмотреть. Испытать себя по-настоящему.

Друзья-негры свозили его. Вернулся – весь комарами покусанный, живого места нет. Чешется. А Зинка, фельдшерица дала ему таблеток от чесотки. Я утром встаю, а он тихо так лежит, не чешется даже! Помогли, видать, таблетки.

...Да нет, он не умер. Зинка ему снотворного дала, перепутала. Он через два дня проснулся. Как раз во время своих похорон. Аккурат крышку гроба начали заколачивать – разбудили мужика. Он изнутри сказал:

– Войдите!..

Мужики молотки подняли, прислушиваются. Думают, показалось. Давай снова колотить. Тут Никита не выдержал, заорал:

– Да не стучи ты, дурак! Говорю, заходи, открываю.

И открыл крышку гроба ногой, как дверь.

Он и сейчас жив. Живёт. А чё ему? Правда, вместо паспорта у него сейчас это – справка о смерти. Когда паспорта меняли, ему новую справку выдали. С фотографией. В гробу. Не прискребёшься. А удобный документ, ни тюрьмы, ни сумы, ни налогов.

Он уже с этой справкой жил, когда свою голову крокодилу-то в пасть всунул. Индеец какой-то привёз крокодильский цирк. И главное, сам индеец свою башку крокодилу в рот всунул всего на секунду. И тут же высунул. Крокодил зубами ему только по уху чакнул. И индеец этот говорит, мол, кто так же может? А сам стоит уже без уха.

Не рассчитывал он, что кто-то осмелится. А Никита взял да и выбежал. А чё ему? Справка-то уже есть. Ну, крокодилу пасть раздвинули домкратом, Никита голову туда всунул, домкрат убрали, а крокодил пасть свою ещё шире открыл. От удивления. Никита, видно, в пасть-то ему дыхнул. А такое не каждый выдержит. И Никиту сразу в цирк и взяли. Ездит где-то. Звезда мирового цирка! Укротитель крокодилов! А этот индеец-мексиканец у нас остался, живёт. Картошку садит. У него фамилия такая, исконно русская: Хулиус Маргулиус...

А я люблю сама с собой в русскую рулетку поиграться. Грибы-боровики поджарю, а с ними – штук пять-шесть самых свирепых поганок. Поем немного, жива осталась – значит опять судьбу победила. И вот этот Хулиус в разгар эксперимента припёрся. Ножовку просить. Стоит без уха (от крокодила), у него фуражка на ту сторону съезжает, опоры нет. И нюхает воздух.

Дай, говорит, закусить грибочками, так пахнет вкусно. И ложкой уже загрёб со сковородки. Стоит, ждёт.

– Ну, жри, может не отравишься!

– А выпить? Дай водочки.

– Я тебе дам водочки, но предупреждаю, она тоже, 50 на 50, из нашего сельмага «Русская рулетка». Палёнка может быть.

– Да ладно, где наша не пропадала?

Стакан принял, закусил. Причём, картошку отодвигает, налегает на грибы.

– А у нас в Мексике, – говорит, – вместо грибов – кактусы.

А у меня на подоконнике кактус. Я ему подаю и говорю, ну, на, пососи.

А он, мол, из его сока текилу делают. Я в стакан с водкой кактус этот выжала, говорю:

– Ну, на, пей нашу: текила с Нижнего Тагила.

Потом зашёл ветврач, Тигран Петросян, тоже за ножовкой. Ещё подтянулись гости. Тоже, за ножовками.

Совсем весело стало, когда Григорий пришёл с баяном. Вообще-то он лауреат какого-то конкурса. Он стакан водки с баяна берёт зубами и выпивает. Без ущерба для полонеза Огиньского. Бабы от музыки навзрыд, а Григорий заест грибочком и кричит:

– Помирать, так с музыкой!

В финале все станцевали под Хачатуряна «Танец с ножовками». Я сказала:

– Утром всех жду... кто сможет.

Ну, а на утро пришли... все!

Вот и пугай страну санкциями!

Вы видели когда-нибудь разъярённого ежа? Он от земли отскакивает, как баскетбольный мяч. Вот его и пугайте. Голой попой.

Маскарад в лесу

Берегите лес – из него делают бумажные деньги. Встречайте Новый год в лесу возле живой елки. Не знаем, как вы, но елка останется целая.

Мы прониклись призывами и пошли на Новый год в лес. А чтобы было еще смешнее, надели на себя маскарадные костюмы. Гриша медведем нарядился, а я – крокодилом Генкой. И даже хвост у меня был. Жены наши наряжаться не стали, без грима под лисички работали.

Выбрали в лесу поляну с елкой, костерок развели, сидим на соломе, закусываем. Гриша говорит, извините, я прогуляюсь. Ушел в чащу. Вдруг слышим оттуда Гришин крик, переходящий в бурный рев. Я метнулся в чащу, спрашиваю, что произошло? Он отвечает сквозь собственный крик:

– В капкан я попался, в медвежий! Так по щиколотке стукнуло, что подошва у валенка отлетела.

Вынул я Гришу из капкана, привел к костру, говорю женщинам:

– Вот. Первая жертва браконьеров. Шляется по лесу, как медведь-шатун. В капкан попался.

Посидели мы еще у костра, позакусывали, смотрим, десять минут до Нового года осталось. Включили транзистор на полную мощность, бой курантов слушать. Я думаю, тоже надо в лес отлучиться на минутку, так, воздуху глотнуть. Отошел к деревцу, только хотел воздуху глотнуть, вдруг по ноге как щелкнет!

И выстрел в мою сторону раздался. Пуля возле уха просвистела. Мелькнула мысль – самострел, совмещенный с капканом. Но ошибся я. Из-за кустов вышли два здоровых браконьера с ружьями наперевес, и один сразу закричал:

– Крокодил! Попался! Отстреляем последнего крокодила в наших лесах, вычеркнем его из Красной книги!

У меня язык одеревенел, не могу объяснить, что я не крокодил, что просто костюм у меня новогодний. А так я – обычный человек, до ветру вышел воздуху глотнуть.

А браконьеры в меня уже целиться начали, начали отстрел крокодила, меня, то есть. Отстреляют, думаю, если не убегу. Бросился наутек. Браконьеры – за мной. Их не двое было, больше. Преследовали меня на трех мотонартах и трех вездеходах – с суши и на эскадрилье вертолетов – с воздуха.

Я бегу, в меня палят, пули свистят, дым пороховой глаза застилает, пыжи в нос лезут, капкан тоже бежать мешает. Кто-то на хвост мой крокодиловый наступил, оторвали хвост. Думаю, вот это Новый год! Никогда так не встречал. А друзья мои на поляне не слышат ничего, у них под ухом транзистор кричит, куранты бьют. Браконьеры, когда меня без хвоста увидели, еще больше разозлились. Вопят:

– Да это не крокодил! Это егерь под крокодила маскируется. Ну, уж егеря-то мы тем более вычеркнем из Красной книги.

И окружать начали. С суши и с воздуха. Я вижу – берлога под сосной. Юркнул я в нее и затих. Посреди берлоги медведь лежит. Спит. Лапу сосет. На Гришу, друга моего, похож. Гриша в своем костюме медвежьем возле костра сейчас сидит, нежится. Ему хорошо. А может, и его на мушку взяли и гоняют по лесу?

Сижу я в уголке, грущу под храп медведя. Глаза к темноте привыкли, смотрю – в другом углу егерь сидит. Говорит тихонько, здравствуйте, я егерь. Палец к губам подносит, на мишку показывает. Потом наверх показывает. Молчи, мол, охотники там, могут поранить невзначай.

Сидим мы с егерем в берлоге, ждем, когда выстрелы наверху стихнут. И кого там браконьеры гоняют-отстреливают? Вдруг все-таки Гришу?

После этой беготни проголодался я сильно. Шепчу егерю:

– Есть хочется!

Он отвечает:

– А ты у медведя лапу пососи. Только аккуратно, чтоб не разбудить косолапого. А то он нам устроит Новый год.

Приложились мы с егерем к лапе – встретили Новый год.

Выстрелы наверху стихли как будто. Вылезли мы из берлоги, я егеря к костру пригласил. Пришли мы к костру – мои сидят как ни в чем не бывало, веселятся. Еще смеяться начали, что я без хвоста. Я им рассказал все. Они говорят:

– А мы думаем, почему куранты так странно бьют, вроде как стреляет кто-то.

Егерь посидел с нами, выпил на посошок, сказал:

– Пора в берлогу. Я медведя того сторожу, иначе браконьеры с него спящего шкуру снимут. Несладко зверю в своей шкуре.

К любовнице

Николай Петрович Шабашов работал распределителем квартир. Вот и пришлось распределить себе двенадцатикомнатную. Распределять квартиры было очень трудно, потому что мешала законная очередь.

Николай Петрович, отобедав, уже целый час шел на работу, но никак не мог дойти. Наконец он не вытерпел и закричал:

– Лиза! Да где тут у нас выход?

– Перерабатываешь, Колюня. Иди пополдничай.

На полдник были опостылевшие деликатесы.

Шабашов сказал:

– Лиза, ты бы хоть раз меня картошкой в мундирах побаловала.

– Не положено тебе по должности, – ответила жена, – я бы и сама сейчас блюдо окрошки бабахнула, да что люди скажут?

– А лекарство где? – спросил Николай Петрович.

Врачи прописали ему три столовых ложки икры перед едой. От памяти. И стакан коньяку после еды – от ума.

Николай Петрович принял лекарство «до еды» и «после еды» без еды. И вздремнул прямо за столом.

Разбудил его голос Лизы:

– Колюня, вставай, пора к любовнице.

Шабашов любовницу не любил. Но Лиза строго следила за моралью.

– Что о тебе без любовницы люди подумают? – говорила она, – Подумают, что с должности тебя сняли.

Шепотом ругая свою судьбину, Шабашов стал собираться к любовнице.

– Душ прими да чистенькое все надень, – хлопотала Лиза.

Больше всего она боялась, что Шабашова разлюбит любовница, и будет у них все не как у людей. Поэтому и подарки Лиза всегда готовила сама. Она положила в рюкзак полкило золота, бриллиант из Индии по кличке «Вася» и трехлитровую банку французских духов. Упаковав рюкзак, Лиза спросила:

– Колюня, у тебя когда прием от трудящихся?

– С двух до шести по понедельникам.

– Ты бы на двухразовый прием перешел, что ли. А то расходы большие, и сыновья жалуются:

– Кстати, где они? – спросил Шабашов. – Давно не видно.

– Ой, как лекарство тебе помогает! Ты же их сам отдал в МГИМО.

Николай Петрович обрадовался: ничего не помнит. А то раньше, бывало, проснется ночью и все помнит: сколько дал, сколько взял – хоть кричи! А теперь – красота! Одно плохо – думать пока может.

– А чего они не заходят? – спросил Шабашов.

– Некогда им, учатся. И подрабатывают. Один – послом в Занзибаре, другой – атташе в Антарктиде.

– А у нас с Антарктидой хорошие отношения? – спросил Шабашов.

– С Антарктидой – хорошие, – ответила Лиза. – Ты иди мойся, а то опоздаешь, – спохватилась она.

Шабашов сел на край ванны и включил душ в стенку. Мыться он не хотел, любовницу он ненавидел.

– Колюня, – слышалось из-за двери, – ты не забыл, где вы встречаетесь с любовницей?

– Конечно, забыл. Что я, лекарство зря принимаю? А где?

– В заповеднике. Оттуда звонили, сказали, лосята уже подросли, пора отстреливать. А лосята, говорят, такие чудные, смышленные, как люди. Сами подходят и головы – под ствол. Николай Петрович всплакнул. Жалко лосят.

– Ты уж, Колюня, съезди, отстреляй, – продолжала Лиза из-за двери, – а то соседи слух пустят, что тебя сняли, раз не браконьеришь.

Николай Петрович вышел из ванной совсем раскисший. «Бедные лосята, проклятая любовница», – думал он.

Николай Петрович обнял Лизу и сказал грустно:

– Не хочу к любовнице.

– Ты что, Колюня! – отпрянула Лиза, – Давай езжай, не опаздывай. Любовницы это не любят.

Николай Петрович вздохнул и вышел на улицу.

– Эх, Витек, – говорил он по дороге персональному шоферу, – если меня с должности попрут, как же ты без меня будешь?

– Продержусь! – жизнерадостно отвечал Витек, – Я же в душе инвалид войны.

– В душе мы все инвалиды. А удостоверение у тебя есть?

– Вы же мне уже организовали.

– Все забыл, хорошее лекарство, – успокоился Николай Петрович.

– Куда едем? – спросил Витек.

Шабашов сказал:

– Ты – к моей любовнице, я – на собрание. Хотя отосплюсь... Вот жизнь! – добавил он. – Так не хочется, а приходится жену обманывать.

Красный уголок капитализма

Не, что ни говори про «МММ», а я выиграл. Заложил тещину квартиру вместе с тещей и выиграл. И купил квартиру в элитном доме.

Ну, мать честная, в соседях – банкиры, генералы, бизнесмены. Все вселились и сказали: – Вот и слава Богу, вот и перешли к капитализму.

Конечно, на работе в цеху ребята на меня коситься стали. Однажды мастер говорит:

– Мужики, завод тонет, надо балласт скидывать, сокращаться надо.

Все дружно на меня посмотрели. Я говорю, мужики, вы чо? При чем тут я? Я, что ли, плохой слесарь?

– Не, слесарь ты хороший, – говорит мастер, – но душком от тебя буржуазным веет. Давай, сокращайся.

Взял я с завода свою приватизированную долю – верстак и две болванки... и сократился.

Верстак в кабинете своем поставил, кресло к нему подкупил итальянское, крутящее-сися. И каждый день к восьми утра иду из спальни на работу – в кабинет к верстаку. Стружку на него насыплю из мешочка – я с завода горсть родной стружки взял – и размышляю.

Раньше-то мы с Валентиной у тещи жили, в однокомнатной. Какая там мебель. Дай бог, чтоб самого куда на ночь поставили. А тут – красота, четыре комнаты, просторы, объемы.

Ладно, думаю, раз ребята меня в капиталисты вытолкали, буду жить и работать по-капиталистически. Тещу забрал к себе, ее квартиру сдал в аренду. Живу, к соседям присматриваюсь.

Раз приглашает нас к себе сосед Сергей, молодой парень, бананы из-за бугра тащит. Мы пришли, жена Сергея говорит:

– Садитесь, пожалуйста, креветки кушайте.

Ну, это рачки такие, как саранча или стрекоза. Я первый раз их видел. Крыльев нет, ног нет, что там и жрать то. Я взял одну и сразу хлоп – в рот. А жена Сергея говорит:

– Вы зря ее не почистили.

Да я, говорю, никогда их не чищу. Самое вкусное в них – это шкурка.

А она продолжает:

– Вы, Василий, по какой части бизнесмен: по финансовой, по недвижимости или шоу-бизнес?

– Та шо вы, шо вы? Какой бизнес? Я, наверное, по недвижимости.

Она говорит, как интересно, расскажите.

Я говорю, вот в прошлом году у меня Валентина ногу сломала и три месяца в гипсе была. Так я ее звал русская недвижимость. Хотя она татарка, голубоглазая.

Короче, про бизнес отболтался, а вот коньяк они мне налили – влюбился я в него с первой рюмки. Выпили мы у них по бутылке на брата, и я думаю, ну, завтра все, хана, башка треснет. Утром проснулся, прислушиваюсь к ощущениям. Голова не болит, глаза открываются. И закрываются. А мысли, как песни идут, аж рифмованные. С ума схожу, что ли? Разбудил Валентину. Обычно у нее с похмелья лицо такое гладкое, как зад. А тут лицо как лицо. Нос, глаза, все прощупывается. И она говорит:

– Вась, что с тобой? Уж больно ты свежий для похмелья. Уж не заболел ли?

И тут дошло до нас, что коньяк – беспохмельный.

Бросились мы в магазин коньяк этот покупать, не потому, что голова, а так – для порядка, раз накануне приняли. Я на бумажку название русскими буквами у соседа списал, говорю продавцу, одну. А она отвечает, 100 долларов. Вот тут-то нас и хватануло похмелье. Оказывается, здоровье сто долларов стоит, один пузырь. Бурду, конечно, пить мы уже не стали, стали копить на коньяк. Каждый день ходим трезвые, как последние банкиры. Собачку Кустика по двору выгуливаем чаще обычного. Обычно то раз в неделю.

Но у Валентины на работе неприятности начались. Она в столовой, поваром. И вот после тех креветок отшибло у нее вкус к мясу. Даже с работы домой его не несет. Подавай ей каждый день креветки. Исхудала. Осталось то в ней килограммов сто. Подружки смеются, чо, говорят, Валентина, в манекенщицы пойдешь али в фотомодели, эротические.

Да еще бабки из соседних хрущевок оплевали ее всю. У нас сейчас двор железным забором огорожен. И вот бабки с утра идут к забору на дежурство. Берутся за прутья ручонками и злобно глядят на чужую жизнь: на «мерседесы», на женщин в шубах, на генералов в лампасах. И никого не пропустят. Генералов вообще куда подальше посылают, вплоть до Чечни.

А тут Валентина из подъезда вышла в драповом пальтишке. И они как начали в нее плевками плеваться, слюневыми. Да с разбегу, да в прыжке. Чтоб доплюнуть. И кричат:

– Ишь, прикидывается, шубу норкой внутрь надела.

Я тоже попался по неопытности. Кто-то из нашего дома джип купил. Ну такой джипистый, что я подошел посмотреть. Я вообще не могу спокойно стоять, когда оно большое и джипистое. Я стою у забора, любуюсь. А за забором, оказывается, фронтовик в засаде лежал. Он там окопался, замаскировался и подстерегал клиентов из нашего дома, которые на джип, как на приманку, шли.

Я слышу, мне – щелк – по башке. Я оборачиваюсь – фронтовик за забором с клюшкой.

Я говорю:

– Ты чо, батя? Рехнулся?

А он говорит:

– Ты зачем на мои денежки джип купил?

– А когда это ты мне их давал?

– А я их и не давал. Ты сам у меня их отобрал.

– Дак они у тебя, что ли, были?

– Не было. А ты все равно отобрал.

И уж совсем была мне непонятна собачья ненависть. Нет, псы-дворняги из соседних дворов к жильцам-человекам из нашего дома относились даже с почтением. А вот к собакам из нашего дома – со страшной звериной злобой. Только выходит такой холеный дог-бульдог из нашего двора, псы-дворняги стаями вокруг него выются и норовят откусить от туловища какой-нибудь член. Только хозяин и спасал палкой или еще чем, лучше факелом. Потом уже все наши собаководы на факелы перешли. Вечером смотришь в окно на собачий парк – факельное шествие. Потому что наши договорились собак выгуливать всем вместе, чтоб легче отбиваться было.

А я еще такой феномен открыл – эти псы-дворняги даже своих женщин, ну, их сучек из нашего дома, не щадили. Раз выбегает из двора сучка течная, ну, красавица холеная. Да мимо такой, если б она женщиной была, ни один мужик не прошел бы. Как ее порода-то? В рот веер, вот – вротвейер. Или эрдель-пердель? Нет, вротвейер. Кобели, здоровенные дворняги, ее окружили и вместо того, чтоб... они ее б... ну, они ее б... Они ее кусать начали. Вот как! Идеология у них выше любви поставлена. Они прямо как Молотов в молодости – свою жену Сталину в тюрьму сдать могут. Такое вот у них большое и доброе собачье сердце.

Короче, злоба и ненависть окружили наш дом. И с первого числа по дому было объявлено осадное положение. Каждый день в семь утра из подъездов сначала выходили саперы. Они разминировали машины во дворе и обезвреживали мины-ловушки. Неразорвавшиеся снаряды взрывали в лесу за городом. Потом выходили жильцы. Каждый мужчина нес комплект колес от своей машины. Проткнутые колеса снимались, накаченные ставились.

Женщины выносили рули. Когда машины укомплектовывались – всем двором выезжали на работу.

Отдых после работы начинался с процесса выкупа заложников: бабушек, дедушек, кошек, собак, захваченных в рабочее время. Такса была четкая: за бабушку – две бутылки пива, за дедушку – бутылка водки. За тещу – коньяк. Они мне дали. В придачу.

После этого весь дом ложился спать по законам военного времени: тридцать процентов спит, тридцать – бодрствует, а тридцать – стоят в дозоре. Ну, то есть я сплю, жена смотрит телевизор, а теща стоит с топором у двери. Потом меняемся, если я проснусь. Но я еще пока не просыпался.

Вы спросите, а где еще десять процентов? А нету их. По законам военного времени, по уставу, процентов остается только девяносто. По уставу. Зато прямой угол – сто градусов.

Как-то ночью Валентина меня будит и говорит, Вася!

Я вскочил, шашку наголо со стенки:

– Что, Валя?

Она шепчет:

– Может, перейдем к своим? К маме опять переедем, ты на завод пойдешь.

Я шашку повесил, спрашиваю:

– А как же коньяк, а шампанское с креветками? Бросим, что ли?

– Да ну их к лешему. Водка, она ведь тоже хорошая бывает.

– Мне не попадалась. Ладно, давай после Нового года. А сейчас спи.

А Новый год наш дом справлял по-особому. Во дворе свою личную домовую елку поставили и сказали: «В час ночи все могут спуститься во двор на шутки, игрища, розыгрыши и аттракционы. В своем кругу, в час ночи».

Штурм дома начался в час пятнадцать. Все жильцы были в состоянии хоровода. На словах «порою волк, сердитый волк...» раздался взрыв под джипистым джипом, и на дворовые ворота полезли люди с кольями.

Вот тут-то наши генералы и пригодились. Ну, то есть штурм был проигран начисто. А генералы после взрыва оказались под елкой. Оно и понятно, в элитном доме генерал еще может жить, но воевать ему тяжело. Не для того же он в армию шел.

Мы стояли вокруг елки в плотном кольце нападающих. Акцию возглавлял тот фронтовик, который меня своей клюшкой шелкнул. Начал он красиво:

– Человек, шампанского!

И посмотрел на генерала под елкой. Генерал быстро превратился из генерала в человека и подал фронтовику стакан. Дед выпил, крикнул и сказал:

– А сейчас водки. Запить.

Запив, продолжил с крыши джипа, прижав кепку к груди:

– Значит, так. Ваши квартиры конфискованы и передаются трудовому народу. То есть нам. А мы вам, так и быть, отдаем наши. Со всем имуществом и клопами.

Первого января проснулись мы с Валентиной у тещи. Башка трещит. Нарезались ночью с горя. С азербайджанцами, тещиными жильцами. Закусывали анашой, курили какую-то дурь.

Вот, думаю, ядрена-ть. Надо было жить у тещи, когда выиграл. Деньги – в валюту, валюту – в чулок, чулок заварить в болванку, самому готовиться к штурму. И въехал бы сейчас в свою квартиру бесплатно. Я видел, все ребята из бригады в штурме участвовали.

Сейчас в моей, наверное, мастер спит. И коньяк мой за батареей, конечно, нашел, скотина. Жалко, месяц копил на него. Думал, в Новый год... эх!

Вот такая ротация вышла, язви ее. Поторопился я, бляха-муха. Вот и рокинулся обратно: из князи да в грязи.

Огляделся я, смотрю, азербайджанцы спят-хохочут с анаши, а Валюхи и тещи нигде нет.

Бросился я к нашему дому и увидел такую картину. Все бывшие жильцы стоят вокруг забора, ручонками схватились за прутья и зло смотрят, как из подъездов выходят новые жильцы. Я тоже встал, смотрю, мастер наш выходит. Лицо свежее, чистое. Значит, точно, коньяк нашел.

Пусть конфискуют!

В комнате, уставленной антикварной мебелью, хрусталём, старинным фарфором, уникальными книгами, увешенной коврами и картинами, сидит Маша, ждёт мужа с работы. Вбегает муж Николай, возбуждённый и взъерошенный.

– Маша, завтра меня забирают.

– Куда, на повышение?

– В полицию. Всё, доигрались.

– Какой ужас!

– Маша, будет конфискация. Действуй так. Мебель продай, оставь половик, циновку и железную койку.

- Где я возьму койку?
- Возле школы, в металлоломе. Попроси пионеров, они помогут.
- Колюня, сейчас нет пионеров.
- Как это нет? Если есть Зюганов, то есть и пионеры. Если есть пионеры, то есть и металлолом. Заплати им, они тимуровцы. Установи койку в квартире, пусть конфискуют.
- А где взять половики и циновку?
- У тети Любы. У неё как раз из всей обстановки – койка, коврик и циновка.
- Так может, там и койку взять, у тёти Любы?
- Ты – умница. Ей отвези персидские ковры, весь хрусталь, фарфор, богем. Купи сюда два гранёных стакана – пусть конфискуют!
- А куда пуделя? Куда нашего учёного пуделя?
- К тете Моте. Вместо него заberi у неё пару хомячков, пусть конфискуют!
- А куда картины, куда подлинники?
- Рафаэля отнеси к тете Кате.
- (Подходит к картине Рафаэля «Мадонна», любитсЯ.) – Вот смотри, Маша, она, как живая! Я даже больше скажу, я ухом к её животу прикладывался – бурчит! Послушай сама.
- (Маша прикладываетсЯ ухом к животу Мадонны на картине, прислушивается) – Точно, бурчит... А она не пукает?... А может, это – у нас?
- Не позорь Рафаэля, Маша! Конечно, пукает! Это же Рафаэль! Вместо него купи картину в художественном салоне. С прорабом в сапогах.
- Которую?
- Ну, на которой сапоги, как живые.
- Сапоги нюхать?
- Можно не нюхать, понятно и так. Повесь картину на стенку, пусть конфискуют.
- А натюрморт? Твой любимый натюрморт?
- Какой?
- Ну, где нарисованы два талона на колбасу.
- (Муж подходит к картине, нюхает все талоны на натюрморте, гладит их рукой.)
- Маша, этот натюрморт – лучший шедевр в мире. Здесь талоны на колбасу, на водку, на масло. Они так нарисованы, что передают божественный вкус тех продуктов! Ты помнишь вкус того масла? А – колбасы? А – водки? (Плачет). Ты понюхай натюрморт, он, как живой. Пахнет, как в нашем, ТОМ самом гастрономе! И ничего в жизни потом не было вкуснее! (Нюхают натюрморт, плачут, лижут талоны). Давай вырежем талоны и съедим! Они вкуснее нынешней колбасы.
- Ты что, милый? Натюрморт-шедевр? Память молодости.
- Ладно. Отнеси тёте Кате вместе с Рафаэлем.
- А книги, книги куда?
- Художественную литературу спрячь. На всякий случай прочитай ещё раз. Всё прочитай и запомни. Чтоб потом внукам рассказывать. Вдруг конфискуют. На полках оставь соцреализм развитого социализма. Пусть конфискуют... Так. С нашими машинами, домами, квартирами и прочими яхтами у нас всё в порядке – они не наши... Беги и действуй!
- Милый, как мне хорошо с тобой и спокойно.
- А ты как думала? Ну, я побежал. А ты начинай книги читать, с Пушкина начинай.
- Колюня, да сейчас всё в интернете есть.
- А самих-то книжек нету. Это же 19-ый век! Щупай тогда их, нюхай, запоминай, какие они. Смотри на них, любуйся. Ну, пока!
- Пока... Ладно, пошла книжки щупать, нюхать и запоминать... Что же Коля мой такого натворил, что у него конфисковывают, а у других – нет. Гений он у меня!

Молодой зверобой

Начинающий охотник

Я купил ружье. Все по закону. Отдал за него столько, сколько стоит лось, заплатил взносов, сколько стоит кабан, и пошел на зайца.

Я еще из города как следует не вышел, еще в лес как следует не углубился, а он уже бежит. Заяц. Наглый, как за прилавком, – бежит и в глаза смотрит. Что делать? Начал отстреливаться. Заяц – прыг в сторону и встал на круг. Ну все, теперь не уйдет. Теперь – кто кого вымотает. Зайцы в опасности по кругу ходят. Он впереди – по сугробам, я – за ним на лыжах. Первый круг он обозначил километра на три. Остальные четыре круга я гнал его след в след. Смотрю – настигаю. Заяц запыхался, передышки делает. Только стал я его на мушку брать, он, подлец, взял и сошел с дистанции. И зашел в крайний домик в пригороде. Я – стучать в ворота. Кричу хозяину, мой заяц у вас убежища просит, выдавайте животного. А хозяин:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.